

18+

Сергей Суханов

Сергей Суханов

За рекой Гозан

Серия «Ковчег (ИД Городец)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51416461

За рекой Гозан: ИД «Городец»; Москва; 2020

ISBN 978-5-907085-37-4

Аннотация

Что общего может быть у простого иудея и будущего правителя Кушанской империи, завоевавшего в первом веке нашей эры Хорезм, Афганистан и Северную Индию? Молодость, бесстрашие, желание добиться цели наперекор жестоким обстоятельствам.

Кушан – политический заложник в столице врагов, его задача – выжить. Но именно здесь он встречается любовь. Иудею предстоит найти реликвии Иерусалимского храма; ключ к разгадке тайны у него в руках. Отряд единомышленников отправляется на поиски сокровищ. Впереди непроходимые ущелья, бурные реки, узкие караванные тропы. Товарищи гибнут один за другим, но заветная цель все ближе.

Читатель узнает, как выглядело в то время жилище горцев, каким богам молились эллины Бактры, чем горожане занимались на празднике в честь Афродиты. А в конце романа его ждет сюрприз, если, конечно, он умеет читать между строк.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	18
1	18
2	31
3	41
4	49
5	59
Глава 2	69
1	69
2	76
3	87
4	98
5	109
Глава 3	121
1	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Сергей Суханов

За рекой Гозан

Посвящаю моим любимым дочкам Саше и Тае

В девятый год Оши взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских.

Четвертая Книга Царств, 17:6

© С. Суханов, 2020

© ИД «Городец», 2020

* * *

Сергей Суханов родился в г. Потсдаме, ГДР. Выпускник Санкт-Петербургского государственного университета. Филолог-скандинавист, экономист, журналист. Переводчик с английского и шведского языков. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленобласти. Отец двух за-

мечательных дочек.

Пролог

Парфия, 765-й год от основания Рима, месяц тевет¹

Первые лучи солнца еще только высветили крышу кумирни, а послушники уже вовсю сновали по хозяйственному двору, торопясь до первого гонга натаскать воды и дров в кухню, напоить коз, сколоть с дорожек образовавшуюся за ночь наледь. В крошечных окошках жилого барака светлячками загорались огни жировых ламп.

Чуть позже из келий не спеша, с достоинством вышли жрецы. Повернувшись лицом к востоку и потряхивая перед собой ритуальным поясом кусты, они вознесли утренние яшты Ахурамазде и добрым духам-язатам.

Острроверхую крышу кумирни-чортака поддерживали четыре толстых цилиндрических пилона, разделенных арками, отчего сооружение напоминало слона с башенкой на спине. На закопченном алтаре подбоченилась бронзовая урна со священным пеплом. Дежурный эрбад² на рассвете аккуратно ссыпал в нее лопаткой угли из едва тлеющего кострища, а затем, торжественно распевая гимн, возжег утренний огонь

¹ 765 год от основания Рима соответствует 12-му году нашей эры; тевет – месяц еврейского календаря, который приходится на декабрь-январь.

² Эрбады – младшие служители в зороастрийском храме.

Даргах.

Двор замыкали подсобные пристройки: сарай-дровяник, сенник, кошара и кухня с трапезной. За края пухлых соломенных крыш цеплялись последние клочья утреннего тумана.

Хозяйство ютилось у подножия холма, на котором возвышался храм Победного огня. Несмотря на ранний час, ступени лестниц уже были тщательно подметены. Каменные львы яростно скалили пасти, выпучив от усердия глаза без зрачков, словно и не переставали разгонять демонов ночи.

После завтрака послушники вновь рассыпались по двору, а эрбады и мобады³ гуськом двинулись по лестнице к храму, чтобы провести утреннюю церемонию приношения огню.

Из ворот вышел молодой человек с переброшенным через плечо мешком, проворно, словно поскорее хотел покинуть суету храмового хозяйства. По проложенной среди белоснежных сугробов тропинке он направился к Еврейскому кварталу. Шерстяная вязаная шапка сбилась набок, открывая ухо и длинные черные пряди волос, а полы распахнутого несмотря на утренний морозец полосатого халата колыхались при ходьбе. Он торопился, но в валенках особо не побегаешь – онучи враз собьются в ком и начнут натирать ноги.

Мешок не обременял, хотя и казался громоздким. Юноша то и дело перекидывал его с плеча на плечо, но не потому, что рука уставала, просто ему так хотелось – не так скучно

³ Мобады – зороастрийские священники более высокого ранга, чем эрбады.

идти. Временами он на ходу наклонялся и, зачерпнув пригоршню снега, тут же отправлял в рот. В светлеющем небе тревожно кричали галки.

Вскоре показались знакомые хижины, сложенные из плит наломанного известняка. Даже в изгнании иврим⁴ не забывали традиции предков, поэтому, в отличие от парфян, строили дома из камня, а не из саманного кирпича.

Жилище Ицхака отличалось от домов других общинников лишь алией, надстройкой на плоской крыше. Юноша протопал вдоль стены с торчащими наружу комлями потолочных балок и нырнул под арку. Оказавшись во внутреннем дворе, он обогнул угол дома, затем пнул ногой невысокую узкую дверь – здесь, как и в Эрец-Исраэль, иврим опасались воров, поэтому широкие двери считались небезопасными. Покосился на прибитую к притолоке мезузу⁵ – не сбилась ли от толчка. Отодвинув плечом занавесь, вошел в комнату.

Изнутри пахло теплом, хлебом, травами. На разбросанных по полу кошмах сидели эксиларх⁶ и несколько учеников. Сквозь закрытые деревянными решетками маленькие окна у самого потолка едва пробивался дневной свет. В углу ча-

⁴ Иврим – ивр. иудеи, мн. число от «иври».

⁵ Мезуза – в еврейском доме на косяк входной двери прикреплялся кусок пергамента с текстом молитвы, который служил оберегом. В новозаветное время ее изготавливали из разных материалов, в том числе из камня, вешали на косяк или ставили рядом с дверью.

⁶ Эксиларх – в библейское время руководитель еврейской общины за пределами Палестины.

дила растопленная жаровня, вдоль стен матово отсвечивали коричневыми боками кувшины, а с балок свисали вязанки сухих растений.

Все обернулись на вошедшего.

– Ну, наконец-то, – с иронией сказал старик, вытирая слезящиеся глаза рукавом халлука⁷.

– Эй, Иешуа, – высунулся крепыш с шапкой всклокоченных волос. – Ты по дороге не заблудился?

– На него ангел напал и бороться заставил, – съязвил другой, худощавый с угристым лбом.

Все засмеялись, а Ицхак с напускной строгостью хлестнул умника по плечу пучком стеблей. Тот отшатнулся, но улыбаться не перестал. Ицхака в общине любили и не боялись: он был добрым и справедливым, в общем – безобидным. Однако уважали – за проницательный ум, опять же справедливость, а также знание трав. Община иврим в Хагматане⁸ была небольшой, поэтому Ицхак по совместительству выполнял обязанности рофэ, лекаря: делал обрезание, следил за соблюдением ритуальной чистоты, накладывал деревянные шины на переломы...

Травник много чего умел. Он, как и все члены общины, свято верил в то, что исцеление больного всецело находится

⁷ Халлук – распахная верхняя одежда иудеев в новозаветный период в виде халата из шерсти или льна, который надевался поверх куттонета – длинной нательной рубашки.

⁸ Хагмата на – греч. Экбатана(ы), современный город Хамадан в Иране.

в руках Всевышнего. И в чудодейственную силу молитвы. Но фарисеи Иерушалаима были далеко, а значит, никто не мог осудить рофэ за то, что тот, помолившись, давал больному горячий травяной отвар или вправлял вывих. Даже в шаббат.

Ицхак встал.

– Что дали? – спросил он, по-старчески близоруко вглядываясь в развязанный мешок.

Бехдины⁹ в храме тоже знали травы. Несмотря на различия в вере, между общинами сохранялись миролюбивые отношения, так что жрецы часто выручали рофэ лекарственным сбором.

Ицхак вынимал пучки один за другим, при этом пристально их разглядывая. Некоторые нюхал.

– Это что? – старый иври передал вязанку крепышу.

Ученики подвинулись ближе и уставились на сухие стебли с бледно-желтыми соцветиями, длинными остроконечными листочками, похожими на листья оливы, и бурыми бобами.

– Ха! – воскликнул угреватый, морща нос, потому что ближе всех придвинул лицо к траве. – Тут и думать нечего – александрийский лист.

Остальные закивали головами.

– Ну, Лаван, рассказывай, – прошамкал Ицхак.

– На вкус горький, запах – сами знаете... Дают при сухом кашле.

– Сколько? – спросил старик, хитро прищурившись.

⁹ Бехдин – букв. «благоверный», человек, исповедующий зороастризм.

– Лог¹⁰, – наугад выпалил парень.

Все, включая Ицхака, засмеялись.

– Если лог, завалишь демона отхожего места, – сквозь смех заявил крепыш.

Кто-то характерно выпустил губами воздух. Лаван обиженно дернулся, пытаясь дать обидчику подзатыльник. – Хватит зубы скалить, – приструнил собравшихся Ицхак.

На занятиях рофэ старался быть строгим, хотя и не всегда получалось. Время неумолимо приближало день, когда его понесут в погребальную пещеру, поэтому он хотел успеть передать опыт ученикам – Священное писание, конечно, учит, но далеко не всему.

Учеников набралось человек шесть-семь: в тевет работы мало, а рофэ еще и похлебкой кормит, так что семьи не возражали – все лучше, чем шлаться по улице и драться со сверстниками из персидского квартала.

Ицхак невозмутимо продолжил:

– Если для послабления, можно и александрийский лист. Но ребятишкам лучше давать отвар из костянок жостера, он послаще будет. А ты запомни, – рофэ уткнул скрюченный палец в Лавана, – при кашле пол-лога, не больше, и не все сразу. Что еще дашь при грудной болезни?

Тот замялся. Не дождавшись ответа, Ицхак терпеливо пояснил:

– Отвар из корня желтоцвета. Можно отвар из дудника,

¹⁰ Лог – древнееврейская мера сыпучих тел и жидкостей, равная 0,3 литра.

или просто дать корешок пожевать. Пикульник тоже хорош – я показывал, у него корень похож на морду хорька. А на грудь положишь примочку с белой или черной горчицей.

– Что там еще? – спросил он Иешуа и, не дожидаясь ответа, запустил руку в мешок.

Вынул холщовый кулек. Развязав его, довольно улыбнулся.

– Ого! Смола ферулы. Не пожадничали бехдины.

Держа на ладони россыпь коричневых кусочков с неровными краями, пояснил:

– Млечный сок корней ферулы хорош от женских болей и истерики.

Тут он замолчал и строго посмотрел на приснувших учеников. Те сделали вид, что внимательно слушают.

Ицхак продолжил:

– Чтобы дольше хранился, его надо смешать с рисовой мукой и соком акации. Можно принимать также от брюшных червяков, хотя лучше тыквенных семечек я средства не знаю. Вот ты, Шаддай, что еще предложишь?

– Нет у меня никаких червяков, – обиженно буркнул крепыш.

– А ты откуда знаешь? Уже отца перерос, а все ногти грызешь, словно маленький. Смотри – демона проглотишь.

Испуганно отдернув руку от лица, Шаддай вытер ее о халат. Ответить вызвался рыжеволосый Иона.

– Ну, мать брату давала пожевать свежую кору граната, он

у нас во дворе растет.

– Хм, правильно, – довольно хмыкнул рофэ, – молодец Ханна, помнит, чему я ее когда-то учил, а ведь давно замужем, пятерых родила...

Он подошел к стене, размотал бечеву на одном из кувшинов, после чего, приподняв холстину, пошуршал в нем рукой. Затем снял со стены несколько вязанок. Кряхтя, уселся среди учеников и разложил травы перед собой.

– Так, а теперь запоминайте. Вот это танацэтум, или, по-нашему, ромашник, – показал он на горсть сухих соцветий со сморщенными темно-желтыми корзинками и остатками мелких листочков. – Цветет в ав¹¹, собирать нужно сразу, как только зацвел. Если корзинки побурели – все, рвать нельзя, а то отравитесь. Растет по полянам и на обочинах дорог. Пахнет камфорой, на вкус горький. Настой выгоняет брюшных червяков, а еще им раны и ушибы мажут – заживляет. Можно растолочь в порошок и смешать с медом.

Растерев щепоть травы между пальцами, Ицхак дал каждому понюхать. Потом вытер рукавом глаза, сощурился и сноровисто – как птица когтем – подцепил пучок ветвистых стеблей, увешанных круглыми шишечками.

– А это артемисия, или полынь. Растет там же, где ромашник, так что рвите их обоих – не ошибетесь. Тоже от червяков. А еще лучше смешать оба отвара и добавить в него толченый чеснок и тыквенные семечки – враз выйдут. Кипятить

¹¹ Ав – месяц еврейского календаря, соответствует июлю-августу.

нужно верхушки с цветками, а также нижние листья – в них самый сок. Сушить в тени на воздухе, почаще переворачивать... Пить тоже с медом – уж больно горький.

Ученики внимательно слушали, только Лаван делал вид, что интересно, а сам тихонько подводил руку с гусиным пером к уху соседа. Иона смешно мотал головой, отгоняя несуществующую муху, наконец, потеряв терпение, со всего размаха хлопнул себя ладонью по шее. Лаван прыснул, а Иона обиженно ткнул его кулаком в бок.

Иешуа сидел вместе со всеми, запоминая наставления рэфэ. Заметив, что торба все еще раскрыта, тот жестом попросил подвинуть ее в центр. Пошарив на дне, вынул две вязанки высушенной травы. Поднес к глазам и вдруг удивленно вскинул брови.

– Аконит? – произнес он, внимательно рассматривая похожие на люпин растения с темно-фиолетовыми, почти черными, цветками.

В недоумении покачал головой. А взглянув на пучок толстых стеблей с соцветиями в виде множества мелких шишечек, на которых кое-где еще оставались сморщенные листочки, оторопело раскрыл рот.

– Болиголов?

Бросив обе связки обратно в мешок, Ицхак стал яростно тереть руки о халлук. Ничего не понимающие ученики посерьезнели, в изумлении наблюдая за странным поведением учителя.

– Кто тебе давал травы? – спросил рофэ Иешуа.

– Эрбад Мирза, как всегда. Мы мешок почти заполнили, а его кто-то позвал. Он мне сказал, чтобы я сам что-нибудь еще взял, мол, эксиларх разберется... Ну, я посмотрел по сторонам – ты знаешь, у них весь сенник завален связками. Решил взять что-нибудь подальше, откуда Мирза раньше не брал. Подставил лестницу и снял две вязанки наугад из-под самой крыши.

– Все. На сегодня урок закончен, – вдруг заторопился Ицхак. – Вставайте и идите домой.

Ученики беспрекословно подчинились. Напоследок, уже на пороге, Шаддай успел пожаловаться, что у сестры вся щека красная. Вдохнув, рофэ сказал, что золотуха не лечится, нужно просто следить за кожей, чтобы не шелушилась: подмешать девочке в еду порошок из жареных дубовых желудей, а еще смазать чешуйки на лице отваром руты.

– Пусть мать ко мне зайдет, я объясню, – напутствовал он парня, легонько выталкивая его из комнаты.

В опустевшей комнате Ицхак некоторое время постоял, нахмутив брови, задумавшись. Затем спохватился, взял кувшин с водой и вышел во двор. Тщательно растирая ладони мочалкой из иссопа, он еле слышно бормотал:

– Коз кормить не будут, дураков нет... если заварить, получится не отвар, а отрава... зачем бехдинам яд, за храфстрами¹² никто с ядом не бегают. Но тогда почему собрали?

¹² «Храфстрами» зороастрийцы называли нечистых существ, сотворенных бо-

Вытерев руки холстиной, он медленно вернулся в дом, тяжело вздыхая и качая головой.

Старик предчувствовал недоброе.

гом зла Ахриманом, которые приносят вред человеку, – хищников, насекомых, змей, а также злых духов.

Глава 1

Бактриана, 113-й год Кушанской эры¹³, месяц Фраваши¹⁴

1

– Хозяин! Пора, вставай...

Голос слуги донесся до Куджулы откуда-то с высоты – как будто с неба, – ворвавшись в сновидение и нарушив его плавную, осмысленную, хотя и странную самостоятельную жизнь, отличную от реальности. Он то ли скакал на коне, то ли сам был конем, мчавшимся по весенней степи. Ветер свистел в ушах, под ногами разливалось зеленое море, а рядом бежала поджарая гнедая кобыла, косила янтарным глазом...

Проснуться удалось только после того, как кангюец осторожно тронул его за плечо и слегка потряс. Куджула дернул-

¹³ Кушанская эра – летоисчисление саков (юэчжи), также называемых «кушанами», основавших Кушанскую империю, которое начинается с переселения группы родственных племен в Ферганскую долину с территории современного южного Казахстана. Эта дата, однако, является спорной. Автор использует дату, приведенную историком Л. А. Боровковой в книге «Кушанское царство», а именно 100-й г. до н. э.

¹⁴ Фраваши – месяц древнего зороастрийского календаря, соответствует месяцу фарвардин современного иранского календаря, т. е. марту-апрелю.

ся, потом порывисто приподнялся на локте, с трудом разлепив глаза.

– Хозяин, отец ходит по двору, тебя спрашивает. Это моя вина, надо было раньше разбудить. Прости, хозяин.

Куджула сел на волчьей шкуре. Слуга молча стоял рядом, почтительно склонив голову. Кангюец был невысокого роста, сухощав и горбонос, с широкими скулами степняка из Семиречья¹⁵. Узкие щелочки глаз казались трещинами на загорелом обветренном лице. Длинные волосы свисали на плечи черными космами. Виски он давно не выбривал, как делали воины его племени, зато оставил тонкую бородку и висячие усы. Из-за спины высывались рукояти пары мечей.

– Ладно, Октар, не вини себя, я быстро соберусь, ты знаешь.

Пружинисто вскочив, Куджула плеснул на лицо воды из стоявшего в углу глиняного хума, чтобы прогнать остатки сна. Он уже несколько ночей спал в сарае, не раздеваясь, приучал себя к походной жизни. В дороге придется спать именно так – в одежде, на шкуре под войлочным бурнусом. Хорошо, сейчас весна, а зимой спал бы, вырыв яму в снегу или прижавшись к теплему боку коня.

Подхватил снаряжение: акинак¹⁶, натянутый скифский

¹⁵ Семиречье – в данном контексте это степная область в Казахстане, расположенная выше Тянь-Шаня, между озерами Балхаш и Иссык-Куль. Есть и другое Семиречье – инд. Сапта-Синдху, то есть Пенджаб.

¹⁶ Акинак – короткий скифский меч.

лука и деревянный горит¹⁷ с запасным луком без тетивы. Отец приучил его с детства – оружие воин должен всегда держать у изголовья, даже если находится в безопасном месте. Все остальное повезут обозные лошади.

Выйдя во двор, он поежился от прохлады. Воздух был чистым и прозрачным, с едва ощутимым ароматом абрикосового и миндального цвета. Не оборачиваясь – потому что знал, что кангюец всегда рядом, – проронил:

– Оседлай тарпана, он иноходец – в самый раз для долгого пути, только проверь копыта, если что, отведи к кузнецу. Гнедая пойдет подъездком.

Все-таки обернулся.

– Как отец?

– Кашляет.

Куджула нахмурился и рывком затянул пояс. Во время охоты в Фанских горах Герай заблудился. В поисках дороги его отряд наткнулся на угольный пожар. Из глубокого провала поднималась удушливая гарь, а весь лес вокруг был выжжен. Пришлось вплавь пересечь Фандарью, чтобы обойти гиблое место. Промокший до нитки ябгу¹⁸ потом целый день на холодном ветру скакал обратно в столицу. С тех пор он чахнет. Знахари не отходят от него ни на минуту, но снадобья не помогают. Еще недавно пышущий здоровьем, могу-

¹⁷ Горит – скифский деревянный колчан прямоугольной формы для хранения лука. Стрелы находились в специальном отделении на боковой стороне горита.

¹⁸ Ябгу – царь, титул кушанского верховного правителя.

чий владыка Кушаншахра за три недели превратился в сухо-го изможденного старика.

Куджула снова обернулся.

– Пишкеш¹⁹ для царя Бактры²⁰ собран?

Октар молча кивнул.

С высоты холма, на котором стоял дворец Герая, хорошо просматривался весь город Халчаян: по склонам разбросаны белые дома знати, несколько кумирен, караван-сарай с выгульным двором. Вдоль берега Сурхандарьи сгрудились обмазанные пахсой²¹ глинобитные хижинки: кварталы гончаров, оружейников, медников...

Залитая солнечным светом равнина лежала перед ним как на ладони. Окраины терялись в утреннем мареве, но Куджула не нуждался в дальнем обзоре. Он легко мог по памяти начертить карту царства Кушаншахр от безводной степи за хребтами Кугитанг и Хау на западе до высокогорных пастбищ Бадахшана со стороны восхода солнца и от Амударьи на юге до Сырдарьи на севере – со всеми урочищами, песками и крепостями. Когда-то персы называли эту землю «Паретакеной». Хисарский хребет за спиной вроде и не такой высокий, как Памир или Хиндукух, однако попробуй перейти –

¹⁹ Пишкеш – дипломатическое подношение правителю другой страны, которое состояло строго из девяти предметов.

²⁰ Бактра(ы) – крупнейший город Древней Бактрианы, разрушенный Чингисханом, сейчас это городок Балх недалеко от Мазари-Шарифа.

²¹ Пахса – штукатурка из лессовой глины вперемешку с соломой, отделочный материал, широко распространенный в Центральной Азии.

перевалы к Согду можно по пальцам сосчитать. И на всех у отца стоят заставы.

Возле дворца ждал отряд. С десятков воинов держали в поводу навьюченных лошадей, ожидая приказа к выдвижению. Покрытые золотом ступенчатые зубцы террасной крыши искрились на свету.

Куджула поднялся по лестнице в айван²². Стражники почтительно склонили головы. Солнце взошло, но только подбиралось к южной стороне, так что колонны все еще отбрасывали косые черные полосы на белый мраморный пол. Казалось, что фигуры на фресках под потолком ожили и задвигались: одни взмахивают мечами, другие осаживают разгоряченных коней – сюжеты он знал с детства.

Пройдя сквозь анфиладу залов с коврами на стенах, Куджула подошел к покоям отца. Покосился на бронзовую статую Митры в образе греческого героя Геракла. Увенчанный лавровым венком бог в левой руке сжимает дубинку, а правую с открытой ладонью поднял вверх и приложил к уху, словно прислушиваясь к голосам внутри комнаты.

Ябгу сидел на скамье, накинув на плечи одеяло. Его знобило, ввалившиеся глаза, окруженные темными кругами, лихорадочно блестели. Перед ним стоял Тахмурес, старший сын, со свисающим на лоб чубом – таким же рыжим, как у

²² Айван – в Передней Азии сводчатое помещение, терраса или навес с одной открытой стеной, часто с приподнятым полом (лееваном) и колоннами, поддерживающими перекрытие.

отца. Поцеловав руку Герая, Куджула встал рядом с братом.

Царь внимательно посмотрел на каждого из них, затем продолжил прерванный разговор:

– Вы оба должны запомнить: нам нужен мир с Гондофаром.

Он жестом остановил Тахмуреса, который сделал шаг вперед, намереваясь что-то сказать.

– Слушайте меня внимательно. Сейчас мы слабы, потому что в нашем народе вспыхнула вражда. Тохары ведут себя нагло: захватывают пастбища и угоняют чужой скот. Уже есть убитые. Племенной совет пока еще поддерживает асиев, поэтому серьезного кровопролития удастся избежать. Старики помнят, как ваш дед Агесил, разбив войска сака Мауэса, расширил земли кушан на востоке и стал ябгу. Но они не вечны, как и я...

Герай зашелся в кашле, прижимая ко рту платок. Вытерев губы, торопливо сложил его, чтобы скрыть кровавую мокроту. Потом продолжил, медленно и негромко, глядя на старшего сына:

– Я не хочу тебя отпускать. Тем более сейчас, когда я болен. Но положение серьезное. С запада нам угрожает Парфия: новому царю Артабану не дает покоя слава Митридата Эпифана. На другом берегу Мургаба была замечена конница противника. С востока, из-за Памира, в любой момент могут выползти бесчисленные полчища ханьцев. На согдийцев полагаться нельзя, мы всегда были врагами. А со стороны

Синдха²³, словно бешеный пес, рвется и кусается Раджувула, сатрап Матхуры. Слава богам! – Гондофар затаился после зимней драки, окопался за Амударьей. Поэтому очень важно договориться с Римом о военном союзе против парфян. Пусть даже ценой серьезных уступок. После катастрофы в Германии Октавиану Августу нужны новые легионы, чтобы защитить Галлию, а для их снаряжения потребуется много денег. Я готов предложить римлянам беспошлинный провоз шелка через Кушаншахр, если они наладят торговый путь по Южному морю до Барбарикона²⁴ и договорятся с Гондофаром о проходе по его землям. Пусть только не отводят войска от границы на Евфрате, это свяжет Артабану руки. Мы не можем вести оборону сразу со всех сторон.

Герай замолчал, собираясь с мыслями. Было заметно, что он устал. Наконец ябгу снова заговорил, обращаясь к Тахмурсу:

– Я не знаю, успеешь ли ты вернуться... до того, как я уйду... Но у нас нет другого выхода, император будет говорить только с наследником престола... Я надеюсь на Племенной совет... Что бы ни случилось, – тут он перевел взгляд на Куджулу, – асии должны сохранить престол за собой, а Кадфисы – первые среди равных. Мы завоевали это право кровью!

Старик зашелся в кашле. Сыновья хотели помочь ему

²³ Синдх(у) – одно из древних названий реки Инд (его нижнего течения).

²⁴ Барбарикон – древний торговый город в дельте Инда (Синдха) недалеко от современного пакистанского города Карачи.

лечь, но он отстранил их рукой.

Он снова обращался к Куджуле.

– Я договорился с Гондофаром о том, что ты будешь заложником до тех пор, пока я не умру. В его дворце тебе нечего опасаться, он всегда держит слово. Я тоже – я обещал ему, что не нападу на Паропамис без объявления войны. Стерегись друзей – тохаров!

Жестом подозвал сыновей поближе, чтобы взять за руки.

– И помните: вы – братья, право на престол по закону у старшего, но обстоятельства могут измениться. Судьба народа важнее судьбы каждого из вас. Поклянитесь, что не прольете братскую кровь.

Братья переглянулись. «Клянусь» прозвучало одновременно. Герай удовлетворенно кивнул, но тотчас нахмурился. В голосе ябгу слышались железные нотки:

– Проклят будет тот, кто нарушит клятву!

Он закрыл глаза и тяжело вздохнул. С трудом поднявшись, обнял каждого из сыновей, а затем махнул рукой, отпуская их. Выходя из покоев отца, те снова услышали за спиной надсадный хриплый кашель.

Братья задержались на ступенях айвана, осматривая двор. Коренастый рыжий Тахмурес был на полголовы ниже Куджулы, шире в плечах, массивнее, а ходил, словно медведь, – вразвалку, но мягко и пружинисто. Он дальше всех метал боевой топор и мог легко выдержать схватку с двумя бойцами.

Куджула отличался от брата во всем, потому что был сыном Герая от второй жены – бактрийки Санаб, тонкой и грациозной, словно молодая серна. Первая, кушанка, умерла при родах, подарив жизнь Тахмуресу.

Он унаследовал от матери стройную фигуру, легкую походку и высокий лоб. А еще – карие глаза. От отца – мощную шею и широкие скулы. В отличие от брата, он предпочитал брить лицо, но делал это редко, ленился, отчего щеки и подбородок заросли щетиной. Слегка оттопыренные маленькие уши придавали его внешности наивность, которая была обманчивой: с детства он умел постоять за себя и никогда не избегал драки, хоть и был царевичем. Ябгу не делал различий между своими детьми и детьми соплеменников, пусть дерутся, иначе не вырастут воинами.

Но Куджула был мягче Тахмуреса и тянулся к книжным знаниям больше, чем к воинскому искусству. Вечера он просиживал в комнате Ипполита, пленного грека, которого отец купил, чтобы тот учил младшего своему языку и занимал рассказами о древних богах и героях родины Искандера Румийского²⁵ – отважного воина, покорившего полмира, хоть и не кушана.

– Отец совсем плох, – сказал Куджула.

– На все воля Фарро, – глухо ответил Тахмурес, поправил

²⁵ Искандер Румийский – Александр Македонский, которого бактрийцы называли также «Искандар-Подшо», т. е. падишах, или «Зу-л Карнайн» – Двурогий (хотя некоторые ученые считают, что это прозвище было дано персидскому царю Киру Второму Великому).

перевязь с мечом и легко сбежал по лестнице.

Братья попрощались с Санаб, которая одинаково нежно обняла обоих, но младшего еще и погладила по щеке. Браслеты на ее запястьях печально зазвенели, а глаза наполнились слезами, ей почудилось, что она видит сына в последний раз.

Две наложницы Герая, совсем еще девочки, жались к челяди. Они мечтали о том, чтобы Куджула не вернулся никогда – пусть всемилостивая Ардохш дарует Гераю вечную жизнь, ведь если он умрет, они по древнему обычаю сати должны последовать за ним.

Вскоре отряд отправился в путь.

Ипполит стоял у дворцовой пристройки вместе с другими рабами. Поймав взгляд воспитанника, он резко вскинул руку в прощальном приветствии. Куджула лишь сдержанно кивнул – не пристало при воинах показывать привязанность к рабу.

По колесной дороге ехали рядом. Подъездки – запасные кони – послушно шли сзади, привязанные за повод к хвосту передней лошади. Переметные сумы были надежно закреплены в тороках.

– До новолуния осталось двенадцать дней. Успеем к началу игр? – озабоченно спросил Куджула.

В Бактре, столице горной страны Паропамис, каждую весну проводились конные игры, посвященные богине Аредви Сура Анахите. На несколько дней в столицу съезжались представители соседних стран, даже тех, которые считались

враждебными. Гондофар – царь Паропамиса и Арахосии – обещал всем участникам неприкосновенность и достойный прием.

В предвкушении турнира Куджула старался не думать о том, что ему придется оставаться в плену до тех пор, пока не умрет отец. Традиция обмениваться царевичами помогала сохранить хрупкий мир на Амударье. Слишком много царств было на ее берегах и слишком мало плодородной земли. Зимой кушаны первыми перешли реку. Гондофар отбил, но потребовал прислать заложника, иначе грозился начать полномасштабную войну с привлечением союзников.

Тахмурес пожал плечами.

– Пятьдесят фарсахов²⁶ – это шесть-семь дней пути. Если нас ничто не задержит, успеем.

Вскоре Халчаян, родовое поместье Герая, превратился в крошечный муравейник на холме далеко позади отряда. Столицей Кушаншахра оставался Ланьши²⁷, называемый греками по старинке Эвкратидеей, но ябгу кушан перенес резиденцию к среднему течению Сурхандарьи, в город предков. Здесь ему никто не мешает организовать оборону на случай нападения других претендентов на трон – тохаров, ятиев, пасианов или сакаравлов. И не надо ничего согласовывать с Племенным советом.

²⁶ Фарсах – греч. парасанг, греческая миля, персидская мера длины, равная тридцати римским стадиям, т. е. около шести километров.

²⁷ Ланьши – древнее название современного таджикского города Душанбе.

Формально союзом племен управляют старейшины. Царь решает вопросы войны и мира, пополняет сокровищницу, отправляет посольства... А еще первым берется за плуг в начале весенней пахоты – такова традиция. Но настали трудные времена, так что даже старейшины не в силах погасить огонь начавшейся междоусобной вражды. Правда, двуличным сородичам, ставки которых находятся в долине Сырдарьи, сначала нужно перейти три хребта высокогорного Хисара, а на перевалах у Герая стоят надежные посты. Здесь, в долине Сурхандарьи, земля асиев, и никто их отсюда силой не выбьет.

Отряду предстояло пройти несколько греческих крепостей по правому берегу Сурхандарьи, построенных еще царем Эвкратидом, пересечь исчерченные арыками пески Каттакум и выйти к Амударье у купеческого города Тармит²⁸, где под охраной цитадели находится одна из многочисленных переправ.

Город большой, деловой, сюда доставляют известняковые блоки из каменоломен на Орлиной сопке в предгорьях хребта Баба, а также цельные куски бирюзы, сердолика и нефрита из Бадахшана, чтобы затем развезти их на арбах по бактрийским городам или сплавить на баржах в Хвайрезим²⁹. Золото, намытое в горных речках Памира, а также серебро с

²⁸ Тармит – древнее название современного узбекского города Термез на берегу Амударьи.

²⁹ Хвайрезим – Хорасмия, одно из древних названий Хорезма.

рудников Вахана и Бадахшана тоже оседает здесь.

Что уж говорить про небесный камень ляджуар, который иноземные купцы называют «лазури́том». С копей Сар-э-Санг его везут в Тармит, где халдеи, эллины и серы предлагают за него баснословные деньги и чуть ли не дерутся друг с другом за лучшие куски сорта «ниили» цвета индиго.

На всем пути между горными цепями Байсун и Баба Куджула видел бесчисленные города, деревни и усадьбы кушан и бактрийцев. Всюду кипела работа: настала пора сева, расчистки каналов, выпаса скота... Весеннее солнце растопило снега, напоило равнину талой водой, обласкало нежные листья и побеги теплом и светом.

«Отличное время для дальнего похода», – думал он.

На четвертый день отряд подошел к Тармиту, после чего переправился по наплавному мосту на левый берег Амударьи.

Весенний ветер шевелил волосы, забирался под воротник, холодил шею. Впереди лежала враждебная горная страна Паропамис, которую эллины называют «Индийским Кавказом», а персы – «Саттагидией».

Сразу за мостом заточенными бревнами ошетилилась застава Гондофара. Угрюмые бородатые воины в кольчугах и остроконечных скифских колпаках с башлыком угрожающе окружили кушан.

Они мало чем отличались от воинов Тахмуреса: такие же льноволосые и светлоглазые, на таких же приземистых степных конях. Командир в доспехах катафракта с показной небрежностью развалился в седле, смотрит исподлобья, ухмыляется. У бедра на волосяном жгуте висит вяленая голова с открытым ртом: безглазая, сухая кожа натянута на скулах, белые зубы ощерились. Тахмурес покосился на нее, по серебряной серьге в ухе он узнал сотника, боевого товарища.

«Дорожит трофеем, сволочь, – негодуяще подумал кушан. – Видать, получил за убитого хорошую награду».

По команде ассакены³⁰ разом натянули луки, целятся пря-

³⁰ Ассакены – скифское племя, которое наряду с другими племенами ирано-

мо в лицо. Казалось, еще мгновение – и тягостная тишина сменится свистом летящих стрел. Кушаны словно окаменели, ни один не дрогнул. Тахмурес заранее предупредил своих, что прием будет холодным – еще зимой здесь шли бои.

Он примирительно поднял руку, а затем, стараясь держаться непринужденно, сказал:

– Мы идем в Бактру на игры Анахиты. Я – старший сын Герая. Это мой брат, – Тахмурес показал рукой на Куджулу. – Он останется заложником у Гондофара, потому что так решили оба царя.

Катафракт внимательно оглядел кушан. Оценил куртак³¹ Тахмуреса из фригийской парчи, широкий кушак, украшенный жемчугом и золотыми бляшками со вставками из сердолика, бирюзы и лазурита, пунцовый шелковый сарапис³² Куджулы под стеганым халатом, дорогое оружие у обоих. Но он медлил из мести, чтобы унижить непрошенных гостей.

Наконец спросил:

– Тамга³³ есть?

Повисла тяжелая пауза. Ни один из командиров не хотел двинуться первым, это было бы оскорбительно. Наконец Та-

язычных кочевников Центральной Азии – саками, дахами, а также частично сарматами – в конце первого тысячелетия до нашей эры вторглось на территорию Ирана, Бактрии и Индии.

³¹ Куртак – персидский короткий распашной кафтан.

³² Сарапис – персидская мужская длинная нераспашная рубаха.

³³ Тамга – племенной или родовой знак; в данном случае дипломатическое письмо.

хмурес, сохраняя каменное выражение лица, тронул поводья. Его конь сделал несколько шагов вперед и приблизился к командиру разъезда. Тот даже не шевельнулся, насмешливо глядя в глаза кушану. Скрипнув от досады зубами, Тахмурес достал заткнутый за пояс деревянный футляр. Затем перегнулся с седла, чтобы протянуть ассакену письмо. Тот развернул обшитый красной бахромой кусок пергамента с личной печатью Герая, неторопливо прочитал послание, снова свернул его и передал кушану.

Приказал воинам опустить луки.

– До Бактры два дня пути. Пойдете под конвоем, а то можете и не добраться, – сказал он, криво усмехнувшись. – Вам тут не рады.

Потом зло зыркнул на кушанский штандарт: золотая собачья голова, сзади полощется длинный матерчатый хвост.

– Дракон зачем? Чтоб определять направление ветра, когда из луков палить начнете? Так ведь не война, или...?

Каверзный вопрос повис в воздухе.

Тахмурес спокойно ответил:

– Царский знак. Может, нам и мечи выбросить? Мы не военнопленные, пришли добровольно и без злого умысла. В тамге все написано. Хочешь, чтобы я вслух прочитал?

Катафракт презрительно сплюнул. Он помнил шелест кушанской стрелы, которая оставила на скуле длинную рваную рану, оторвав кусок уха. Но царская тамга делает непрошенных гостей неприкосновенными, поэтому придется подчи-

ниться обстоятельствам.

Рывкнул на солдат. От разъезда отделились десять всадников, встали сбоку от кушан. Еще один, пустив коня в галоп, помчался в темнеющую степь предупредить Гондофара о посольстве.

Отряд Тахмуреса двинулся по прибрежным пескам на запад вдоль плесов и заводей Амударьи. Шли до вечера, потом разбили шатры у воды, напоили и накормили коней, поели сами.

Над рекой бушевал багряно-красный закат. Облака словно горели, а вместе с ними горела река. Казалось, огонь поднимается из глубины, растекается раскаленными разводами под водой и вот-вот вырвется на поверхность, перекинувшись на кусты чингиля, которые вспыхнут ярким пламенем, так и не успев расцвести.

Куджула не мог заснуть. Долго ворочался под бурнусом, вспоминая злые глаза асакенов, натянутые луки, мертвую оскаленную голову. Ему исполнилось восемнадцать, но еще не приходилось участвовать в сражениях. Каждый раз, отправляясь в боевой поход, отец брал с собой только Тахмуреса.

Сегодня Куджула впервые увидел лица врагов. Он не струсил, но в первый момент ощутил в груди странную легкость, словно сердце перестало биться. А потом им овладел юношеский азарт: вот же они – рядом, на расстоянии вытянутой руки. Он может выхватить меч, с криком броситься на них,

а уж остальные поддержат его порыв...

Ему хотелось драться, казалось, что он – неуязвим. Куджула был царским сыном и понимал, что рано или поздно должен стать жестоким и беспощадным, чтобы добиться повиновения друзей и заслужить уважение врагов. Этому его учил отец.

«Каково это – убить человека? Что я почувствую?»

Он так и не понял, кто из двух командиров победил в противостоянии у моста, и эта неопределенность не давала ему покоя...

Утром отряд повернул на юг, направляясь вглубь Бактрийской равнины. Заросли ивы и чингиля остались позади. Под копытами лошадей расстился напоенный весенними дождями зеленый ковер из сочной осоки и цветов. Блекло-зеленые островки прошлогодней полыни с зацепившимися за стебли сухими шарами перекати-поля успели утонуть в красочном разнотравье, стали незаметными, потерялись.

Пропали рыжехвостые кукши и галки, зато в безоблачном лазоревом небе метались в погоне за какими-то мелкими птицами ястребы.

Так и прошел день: отряд то шагом, то рысью покрывал один фарсах за другим, изредка устраивая короткие привалы. Конвой неизменно скакал на расстоянии выстрела в стороне от колонны кушан, демонстративно вынув луки из горитов. Иногда ассакены вырывались вперед, джигитовали, показывая, кто здесь хозяева. Ночью у костров часовые в

обоих лагерях не смыкали глаз, держа оружие наготове.

Наконец местность изменилась: по равнине словно прошла рябь, она стала выгибаться невысокими грядами. Покрытые зеленым налетом склоны холмов заканчивались лысыми верхушками цвета топленого молока. Степь между холмами устилал ковер из красных тюльпанов.

Под вечер из-за горизонта выросли хребты Паропамиса. Отряд подходил к Бактре. За рощицами диких фисташек и пирамидками тополей раскинулась перечерченная арыками пашня. Яблони и абрикосы вдоль каналов окутывала розовая ароматная вуаль. По колесным дорогам к городу тянулись ишаки, нагруженные саксаулом и камнями, брели фарсиваны³⁴ с мотыгами на плечах, женщины с узелками на головах...

Вскоре кони кушан вышагивали по древним мостовым Бактры. Выщербленные серые плиты помнили многое: мощную поступь гоплитов Искандера Румийского, переименовавшего город в Александрию Бактриану и на века превратившего его в античный полис, топот восставших под началом самозванца Афинодора греков, недовольных авторитарной властью македонян, а еще жестокие, разрушительные удары снарядов, выпущенных катапультами Антиоха Великого во время двухлетней осады города.

Отряд проследовал за конвоем по главной улице под лю-

³⁴ Фарсиван – на языке дари «крестьянин», персоязычный житель Афганистана.

бопытными взглядами прохожих. Обычных конных путников стража не пустила бы дальше стены, отделяющей пригород с его апельсиновыми садами, караван-сараями и кварталами ремесленников от шахристана³⁵, но посольская тамга открывала любые ворота. Кушан только заставили подвязать коням под хвосты мешки для навоза.

Куджула жадно смотрел по сторонам. Город напоминал ему Эвкратидею – такие же прямые пересекающиеся улицы, герооны на площадях, барельефы на фронтонах храмов, завитки коринфских капителей...

Казалось, элинов здесь даже больше, чем бактрийцев. Мужчины одеты в длинные складчатые гиматии, а молодые женщины – в пеплосы, из-под которых виднеется хитон, схваченный под грудью лентой.

Бактрийцы в полосатых халатах и цветастых головных повязках возились возле лавок: перетаскивали корзины и тюки, убирали выставленную для продажи утварь, закрывали на ночь ставни...

Вот женщины полощут белье в тощей речке Дихас. Стайки чумазных детей носятся по улице, чудом увертываясь от коней, ныряют в темные узкие проходы. А вот возница хлещет осла при виде приближающегося отряда, чтобы вовремя убраться с дороги, пока ему самому спину не обожгла плеть.

³⁵ Шахристан – окружающая цитадель часть города, где находились казармы, лавки, ремесленные мастерские и т. д., которая обычно отделялась стеной от рабада, т. е. крестьянских предместий.

Эллинка с корзиной слишком поздно заметила всадников, бросила ношу и отскочила, всплеснув руками. Апельсины покатались по плитам, а та беспомощно стоит, глядя, как спелые плоды лопаются под копытами лошадей, превращаясь в оранжевое месиво.

Столица оглушала разноязыкой речью, суетой, удивляла смешением греческих и бактрийских нарядов, каменными домами, обилием товаров...

Дворец Гондофара располагался в крепости Бала-Хисар на окруженном глубоким рвом холме. Над наклонным цоколем из обожженного кирпича возвышалась стена с круглыми башнями, галереями и стрельчатыми амбразурами. Солнце заливало зубцы бордовыми всплесками, при этом тени длинными языками сползали в ров, где уже сгущалась темнота. Неприветливая, мрачная громада, окрашенная в кровавые закатные тона, с висящими на комлях бревен останками преступников, производила удручающее впечатление.

Сердце Куджулы забилося – неужели придется годами сидеть за этой зловещей стеной, вдали от Сурхандарьинских степей, вдали от воли.

Отряд пересек по висячему мосту ров и прошел под скрещенными балками герсы³⁶, едва не задевая их головами. В туннеле за аркой звон копыт оглушил, зазвучал набатом.

Кушаны прошли сквозь вторую стену, еще выше наруж-

³⁶ Герса – опускающая решетка крепостных ворот, сделанная из массивных брусьев, бревен или толстых железных прутьев.

ной, оказавшись перед огромным прямоугольным зданием с мощными башнями по углам. Привязав коней к кольцам в стене, зашагали за командиром конвоя в царские покои. Пересекли несколько комнат, внутренний двор с обводными коридорами, после чего, миновав последний пост стражи, вступили в просторный зал.

Куджула осмотрелся. Ярко пылают светильники, закрепленные на ступенчатых пилястрах, вдоль стен тянутся покрытые коврами суфы³⁷, в нишах белеют мраморные статуи. Трон в центре зала. Два леопарда уставились на вошедших немигающими глазами; хвосты нервно подрагивают. Рабы-дрессировщики напряженно следят за хищниками, намотав цепь на руку.

Гондофар жестом остановил слугу, обмахивающего его веером из павлиньих перьев, и встал. Холодный взгляд царя завораживал, казалось, веки едва сдерживают бушующее голубое пламя, такое же, как в глазах сидящих у его ног хищников.

Седые волосы намаслены и гладко зачесаны назад, высокий, изборожденный морщинами лоб открыт.

То, что хозяин не вышел встречать гостей, можно было расценить как дурной знак: он вел себя так, словно выиграл войну.

Тахмурес шагнул вперед и слегка наклонил голову, прижав руку к груди. Что бы он сейчас ни думал, нужно выпол-

³⁷ Суфа – глиняная скамья, лавка для отдыха, расположенная вдоль стен.

нять наказ отца.

– Приветствую тебя, царь.

Посол намеренно не назвал ассакена «великим царем царей». Новый хвастливый титул Гондофар принял после удачного индийского похода. Сказать так – все равно что признать себя вассалом. Оставалось надеяться, что обмен сигналами на этом закончился, все-таки он сюда не ссориться приехал.

В переводчике присутствующие не нуждались – ассакены говорили на степном диалекте, понятном кушанам. После формальных вопросов о здоровье близких и таких же формальных ответов Тахмурес обернулся к свите и жестом показал, что пора вручить царю пишкеш.

Двое воинов вынесли вперед хурджуны³⁸ из красной сафьяновой кожи. Разложили на ковре подарки: золотую посуду, инкрустированные самоцветами клинки из узорчатой булатной стали, рулоны ханьского шелка – ровно девять предметов, согласно этикету.

Гондофар улыбнулся одними губами.

– Спасибо за подарки, я посмотрю их позже. А сейчас я прошу тебя и брата разделить со мной трапезу. Твоих воинов накормят в казарме.

Царь хлопнул в ладоши, и тотчас из боковых дверей вы-

³⁸ Хурджун – переметная сума.

сыпали слуги, в считанные секунды внесли и накрыли длинный стол, подставили три кресла. Виночерпий разлил по ритонам вино.

Хозяин первым начал беседу: расспросил о дороге, поинтересовался, нет ли в посольстве больных, раненых. Разговор терял официальный тон по мере того, как наполнялись и опустошались сосуды.

– Ну что, понравился мой город? – Гондофар самодовольно ухмыльнулся.

Видимо, считал, что необъятные размеры столицы и ее величественная архитектура, которая создавалась веками, должны произвести на гостей неизгладимое впечатление. Его не смущало, что город был построен эллинами, а не ассакенами. Он перенес сюда резиденцию из Массаг всего несколько лет назад.

– Да, – сдержанно ответил Тахмурес. – Мы заметили, что ты не испытываешь недостатка в камне.

– Город большой, подданных много: в основном греки и македоняне, я их поселил в шахристане, есть также бактрийцы, иранцы, карийцы... Всем нужна крыша над головой, в том числе рабам и их семьям.

– Хорошо, когда рабочих рук в избытке.

– В избытке? – переспросил царь с деланным удивлением. – Да у меня каждый каменщик на счету. Тяжелый труд, грязная работа – где я возьму столько ремесленников?

– Ремесленников? – теперь удивился Тахмурес. – А обыч-

ные горожане разве не подлежат принудительному набору?

Гондофар досадливо поморщился.

– Бактра – не просто город, это полис. Я так договорился с эллинами, потому что они иначе не могут. Зачем мне волнения? Они все – клерухи, то есть землевладельцы, а значит, обязаны служить в ополчении. Вернее, думают, что клерухи: земля-то теперь моя... они за пользование наделами платят мне ренту. Царских рабов мало, потому что я, как и великий Искандер Румийский, покоренные народы не разоряю. Эллыны не хотят, чтобы их храмы строились из глины. А бактрийцы с камнем работать не умеют, привыкли все строить из самана и пахсы. Только мы, ассакены, умеем все. Но мы – воины. Лучшие!

Царь довольно расхохотался. Он уже опьянел от выпитого, а может быть, только хотел казаться пьяным. Тахмурес мотнул головой и что-то невнятно буркнул, схитрил – вроде бы и согласился, но ничего конкретно не сказал, не придерешься.

Куджула, который не вмешивался в разговор старших, на этот раз не удержался:

– Эллыны пропитаны духом Платона и Аристотеля. Для них полис – это выражение божественных законов мироустройства, идеальная форма общественной организации... А быть свободным – означает быть гражданином, участвовать в суде и народном собрании. Искандер Румийский отверг стремление колонистов к греческому образу жизни, и

это закончилось восстаниями Филона и Афинодора, которые диадохам пришлось потопить в крови.

– Ты хорошо осведомлен, – заметил Гондофар, бросив на юношу внимательный взгляд. – Селевкиды считали полисы опорой царской власти, поэтому я тоже позволил Бактре сохранить автономию, а также освободил македонское и греческое население от всех налогов, кроме земельного. Разумеется, царь стоит над собранием общины. Я держу в узде эллинов, а они – всех остальных... Но я прервал тебя, прости.

Куджула продолжил:

– Я не согласен с Аристотелем в том, что мы, «варвары», как он нас называет, – прирожденные рабы. Он считает, что в основе тирании у «варваров» лежит склонность к подчинению. Этой идеи придерживались также Исократ и Демосфен. А я лично считаю, что раб-грек ничем не отличается от раба-«варвара» – он так же заискивает перед господином и так же со временем привыкает к неволе, как и другие. При этом философ утверждает, что тираническая власть «варваров» стоит прочно только потому, что ее основой служат традиции и закон. Так что же в этом плохого?

– Вот именно, – довольно подтвердил царь, ход беседы ему явно нравился.

Он подался вперед, оперся на локти и, переводя взгляд с одного гостя на другого, безапелляционно заявил:

– Бактра – полис только потому, что я грекам это позволил, хотя мог бы сделать их всех рабами, а землю отобрать.

Так я мудрый царь или нет, справедливый или нет? Может, я не дальновидный, не милосердный? Считают себя особенными, а не понимают, что пользуются привилегиями исключительно благодаря моей милости. Раз так, мне легко доказать обратное, если начну вешать греков наравне с другими. Сразу оценят то, что имеют!

Высказавшись, Гондофар снова откинулся на спинку кресла.

Куджула все не мог остановиться, вино ударило ему в голову.

– Аристотель считает живущие в холодных странах народы мужественными, но глупыми и не способными к самоорганизации, а тех, кто живет в теплых, – рассудительными и склонными к искусствам, но трусливыми. Греки, находясь в сердце ойкумены, сочетают в себе все самое лучшее, а значит, способны властвовать над другими народами. Им лишь не хватает политического единства.

– Хорошо, – сказал Гондофар. – Греки были объединены при Искандере Румийском, да, завоевали полмира – и что? Время не пощадило ни их самих, ни греческую культуру на завоеванных землях. Кстати, он ведь из Македонии, а значит, для греков – варвар. А теперь ими управляю я. Тогда чем я отличаюсь от него?

Тахмурес отмалчивался, делая вид, что поглощен едой. Он был воином и хорошо дрался, а ученые разговоры вести не умел. Но начитанность брата его сильно удивила – так вот

чему он учился у Ипполита.

Наконец, заметив, что посол заскучал, царь перевел разговор на другую тему.

– Пора о деле. Мы с Гераем заключили мир еще зимой. Что привело тебя сюда... или он хочет мне что-то сообщить?

– Отец просил передать, что останется верен слову.

– Хорошо, а я со своей стороны окажу Куджуле должное уважение. Ты будешь участвовать в играх?

– За меня остается он, – Тахмурес хлопнул брата по плечу.

– Пойдешь домой? – продолжал расспросы хозяин.

Теперь предстояло самое трудное: Тахмурес должен сообщить, что двинется за пределы Паропамиса, не раскрывая, куда именно. Гондофар – союзник парфян и, если заподозрит неладное, то не пропустит посольство к Синдху. Из Барбарикона кушан собирался на корабле пересечь Индийское море, чтобы добраться до Александрии Египетской и отплыть в Рим. В Александрии он должен быть до начала месяца Атар³⁹, когда закрывается навигация по Средиземному морю, так что времени в обрез.

– Нет. Отправлюсь через Брагуйские горы⁴⁰ за Синдх, в Пайтан, столицу Андхры, чтобы встретиться с царем Пулумави из династии Сатаваханов⁴¹. Отец поручил мне дого-

³⁹ Атар – месяц древнего зороастрийского календаря, соответствует месяцу азар современного иранского календаря, т. е. ноябрю – декабрю.

⁴⁰ Брагуйские горы – южные отроги Гиндукуша (Хиндукуха).

⁴¹ Сатаваханы – династия правителей индийского государства Андхра, зани-

вориться о поставках черного перца, пряностей и сахара – тростникового меда. Ты сможешь брать с караванов хорошие пошлины. Герай просил в знак дружбы не задирайте их слишком высоко – золото и так потечет в твою казну рекой. Надеюсь, ты позволишь мне пройти через твои земли?

Это был удачный ход. При упоминании о золоте глаза Гондофара зажглись алчным огнем.

– У нас говорят: каждый смотрит в свой карман. Но я поступлю как добрый сосед, Герай не останется в накладе. Когда ты вернешься, мы обсудим размер пошлин.

Аудиенцию пора было заканчивать. Гости поблагодарили царя, после чего в сопровождении стражников отправились в предоставленные покои.

Как только их шаги смолкли, в опустевший зал вошел воин, молча встал за спиной Гондофара. Тяжелый, такой же, как у отца, взгляд из-под густых бровей, борода заплетена в толстую короткую косу, а обритое темя иссечено ритуальными шрамами.

Не оборачиваясь, царь задумчиво произнес:

– Боги снова помогают нам. Купцы из Эрши⁴² сообщили, что Герай серьезно болен и долго не протянет. Такой момент упускать нельзя. Оба наследника у нас в руках...

Лицо Гондофара вдруг стало жестоким, казалось, он ре-

мавшего в первом веке нашей эры значительную часть плоскогорья Декан вплоть до реки Нармада на севере.

⁴² Эрши – древнее название современного узбекского города Коканд.

шился.

Искоса взглянув на сына, резко бросил:

– Вот что, Пакора, через пять дней игры. Подумай, как помочь младшему щенку неудачно свалиться с лошади. О старшем я позабочусь сам. Путь до Андхры неблизкий, по дороге всякое может случиться. Это мои земли! Когда Герай умрет, наследовать трон будет некому. Начнется борьба за власть, мы воспользуемся неразберихой и нападём первыми. А пошлины... Завладев Кушаншахром, я получу неизмеримо больше.

– Отец, ты дал слово...

Гондофар затрясся от бешенства и грохнул кулаком по столу. С перекошенным лицом, глядя снизу вверх на сына, заорал:

– Кто ты такой, чтобы попрекать меня? Слово – это оружие. Дал его – прикрылся как щитом, а забрал – все равно что всадил меч в грудь врага. В бою все средства хороши! Ты мой наследник, подумай, кем ты хочешь стать – данником Артабана и Герая или хозяином земель от Синдха до Сырдарьи, с которым будут считаться.

Пакора выслушал тираду отца с каменным выражением лица.

Отпустив сына движением руки, царь грузной походкой усталого человека отправился в спальню.

Спустя два дня Тахмурес отправился в путь.

– Гость до трех дней дорог, – сказал он, прощаясь с Гондофаром.

Царь выписал посольству дорожную тамгу, но почетный конвой не предложил. Он не стал задерживать кушан: чем раньше те покинут пределы столицы, тем скорее он сможет осуществить свой план. Перспектива разделаться с сыновьями Герая, чтобы после его смерти захватить земли по правому берегу Амударьи, пьянила лучше вина, возбуждала до дрожи, до сердцебиения, наполняла восторгом. Скоро все несметные богатства Кушаншахра достанутся ему, потянутся в Бактру караваны с самоцветами, нефритом и лазуритом...

В последний перед играми день Куджула и Октар с расвета находились в царской конюшне, где для их лошадей выделили стойла. Помещение отличное: светлое, с высоким потолком, переборки из дерева, пол устлан сухой просяной соломой.

Куджула проводил здесь почти все время после приезда, ухаживая за гнедой аравийской кобылой и караковым степным тарпаном.

Аравийка из далекого Неджда была хороша: с красивой сухой головой, широкими ноздрями и выпуклыми, полными

огня глазами. Наклоненные назад лопатки, косые бабки, тонкие крепкие ноги – казалось, природа создала ее специально для стремительного изнуряющего бега. Ни один рысак не мог сравниться с ней в быстроте и выносливости. Единственный недостаток – боялась воды, похоже, натерпелась страха, пока арабы перевозили ее на утлой тариде⁴³ через Персидский залив.

Тарпан был пониже в холке, жилист, с короткими сильными ногами, а главное – норовист и буен, подпускал к себе только Куджулу. Плотный, приземистый – не красавец, зато на таком сподручней подхватывать с земли тушу козла. Его специально готовили для бузкаши – козлодрания – и не выхолащивали, чтоб был злее.

Конь для бузкаши – это всегда особый конь, надежный и сильный, поэтому ценится очень высоко. Он не отступит под напором соперников, вынесет хозяина из любой свалки, может с места рвануться в карьер и мгновенно развить бешеную скорость. Хозяин никогда не позволит сесть на такого коня постороннему человеку, женщине или ребенку и ни за что не станет использовать его для домашних работ.

Любой взрослый тарпан – это, по сути, выродок, урод с железным здоровьем. Лишь каждый десятый дикий жеребенок доживает до пятилетнего возраста. Остальные гибнут от

⁴³ Тарида – арабское парусное судно для перевозки тяжелых грузов, в том числе лошадей, которых на борту помещалось до сорока голов; существовали также гребные тариды.

стужи, непогоды, бескормицы и волчьих зубов. Но зато какой боец! Если тарпан выжил в степи – ему не страшны никакие невзгоды, он вытерпит все.

Сначала Куджула по очереди «проехал» обоих коней по двору – то шагом, то рысью. Потом отвел к Балху, где на мелководе очистил стрелки и роговицу копыт от грязи деревянным ножом, обмыл копыта и берцы, а затем полностью окатил водой из бурдюка. От удовольствия тарпан заржал, подняв морду к небу... и похотливо покосился на стоящую рядом кобылу. Куджула со смехом потрепал его по жесткой торчащей гриве. Пришлось развернуть жеребца в сторону, чтобы отвлечь, пока тот не забаловал. Неподалеку Октар соломой обтирал двух бактрийских скакунов. Купать лошадей не стали, вода еще холодная.

В конюшне, разумеется, имелось все необходимое: скребницы, суконки, крючки для чистки копыт, банки с мазями, костным салом и прочее. Чувствительная кожа аравийки не терпела грубого ухода, поэтому он чистил ее конским хвостом, а не щеткой. С тарпаном дело обстояло проще – недавно объезженный трехлеток был покрыт волнистой, почти курчавой шерстью, так что не боялся никаких скребниц.

Разведя коней по стойлам, Куджула напоследок каждому положил на подошву копыт свежего коровьего навоза, а сверху обмазал смесью из желтого воска, сажи и дегтя. Зачерпнул из яслей овса, пожаткал в руке, понюхал. Хорош: с тонкой, ровной и блестящей шелухой, при разломе белый, не пахнет.

Еще раз подошел к гнедой, ласково и довольно похлопал по крупу – готова!

Наконец наступило новолуние.

На рассвете за стеной шахристана загрохотали литавры, слышались призывные крики, а затем громкое хоровое пение. Ворота распахнулись. Оттуда вывалилась толпа мобадов в фетровых шапочках и длинных белых рубашках, подпоясанных священным поясом кусти. Они облепили створки ворот, заполнили всю площадь, размахивая пучками ивовых прутьев и расталкивая зевак.

Когда путь был расчищен, показалась торжественная процессия эрбадов.

Жрецы шли в окружении барабанщиков, которые охаживали ладонями подвешенные на шею цилиндрические дамамы и прижатые к боку, похожие на огромные чаши томбаки, виртуозно били в большие плоские дафы.

Сазандары цепляли ногтями струны грушевидных тамбуров и дотаров, водили смычками по струнам каманч, извлекая из них тончайшие звуки, которые сливались в затейливую, пронзительную мелодию.

Духовые деревянные неи издавали чарующее жужжание – словно где-то над головами кружится огромный пчелиный рой. Музыка завораживала, гипнотизировала, проникала в самое сердце.

Праздничная процессия, состоящая из священников и знати, двигалась от храма Артемиды-Анахиты к предме-

стям. Впереди вышагивал Мобад мобадов в длинном белом одеянии и высоком остроконечном колпаке с башлыком. Двое эрбадов держали над его головой привязанные к шестам страусовые перья, через каждые несколько шагов торжественно и строго выкрикивая: «Дастур! Дастур!⁴⁴»

В центре толпы четверка волов тянула украшенный дорогими тканями помост на колесах с большой деревянной фигурой Анахиты. Богиня плодородия была изображена обнаженной, лишь на голове возвышался круглый колпак, с которого на спину свешивался длинный шелковый шлейф. Руками она поддерживала маленькие груди, перетянутые лентой с золотыми бляшками и стилизованной маковой коробочкой в центре перекрестия.

Толпа росла по мере продвижения по рабаду, сквозь сады, мимо эргастериев, искусственных прудов. В нее вливались горожане, паломники, жители окрестных сел. Бактрийцы, греки, чужеземцы... Народ радовался празднику, предвкушая конные игры.

В долине Балха все было готово к состязаниям.

Вскоре статую Анахиты втащили на заранее приготовленный холм из самана, обложенный дерном и политый водой, перед которым установили алтари, да еще навалили кучу хвороста. Возле походных алтарей стояли заранее освященные кувшины для ритуальных возлияний, а также чаши для

⁴⁴ Дастур – букв. «облеченный властью», один из титулов верховного жреца беждинов.

подношений.

На покрытых коврами дощатых трибунах разместились свита царя и знать.

Поодаль расположился лагерь паломников – над многочисленными шатрами курился сизый дымок. Гонимый ветром, он метался по долине, сливаясь в вышине в полупрозрачное марево. Еще дальше, уперев оглобли в землю, теснились тысячи повозок – с большими колесами, крытые шкурами или рогожей.

Не все скифские племена, завоевав чужую страну, перешли на оседлый образ жизни и построили города. Многие продолжали заниматься скотоводством, кочевали в кибитках вместе со стадами овец и табунами лошадей по межгорью Паропамиса да пустынным равнинам Арахосии. В Бактру они пришли с зимовок в низовьях Хирменда.

За трибунами слуги разбили шатер для провизии, амфор с вином и посуды. Царские повара прямо на земле рубили освежеванные бараньи туши на куски, закидывали мясо в большие котлы, размешивали варево палками.

Едкий дым костров смешивался с дразнящим запахом вареной баранины, щекотал ноздри людей, сводил с ума голодных псов.

Шум, гвалт, ржанье лошадей, лай собак – долина продолжала заполняться людьми и животными. Воины окружили поле кольцом, не позволяя зрителям подойти вплотную к манежу, удерживали их тычками палок, взмахами плетей, гроз-

ными окриками.

Перед трибунами выстроились участники скачек.

Куджула огляделся: бока лошадей покрывают попоны с вышитой тамгой рода, узда украшена золотыми и серебряными пронизьями, позолоченными налобниками, на ветру развеваются цветные штандарты с изображением культового животного или священного символа. У саков из Арии на пополах – круг со стрелой, а на флаге – грифон, у парфян – буква арамейского алфавита и фаравахар⁴⁵, у хорасмиев – знак Анахиты: три черных кружка, а также маковая коробочка, у гандареев из Таксилы – свастика и слоновья голова, у согдийцев – греческая буква и синий волк.

Все наездники из княжеских родов, молодая поросль, рядом с каждым оруженосец. Куджула сжимал в руке древко копья с флажком, на котором скалила пасть собачья голова, тотем Герая. Тамгой рода служил круг с топорами, символизирующий объединение под властью асиев четырех других кушанских племен.

Бок о бок с молодым хозяином находился Октар. По лицу кангюйца никогда не скажешь, что он чувствует: всегда спокоен и уверен в себе.

Справа от Куджулы в нетерпении фыркали кони Пакоры и его слуги, потрясая гривами с вплетенными в них лентами. Царский сын сидел на бактрийской кобыле неподвижно,

⁴⁵ Фаравахар – главный символ зороастризма в виде распростертых птичьих крыльев, птичьего хвоста и человеческой фигуры в центре, держащей кольцо.

словно каменный, а мощный, как будто раздутый, оруженосец с бычьей шеей то и дело бросал на кушана косые взгляды. Его чалая лошадь была под стать всаднику: рослая гривастая колхидка с полугорбатой головой, широкой грудью, ноги с короткими бабками – некрасивая, но жуть какая сильная. Где только раздобыли такую?

Наконец загрохотали дамамы, затем вступили дафы, постепенно ускоряясь, сбиваясь то на ритмичный дробный рокот, то на рассыпчатый звон, то на все сразу, и из задрапированного красной тканью прохода в центре трибуны появился Гондофар.

Полы голубого халата были обшиты золотыми ромбиками и пирамидками, а ворот обсыпан самоцветами. На голове царя красовался мягкий кулах⁴⁶ с вышитой канителью птицей Варган. В руке он держал железный шестопер с позолоченным втоком – символ власти.

Благосклонно выслушав ликующие крики толпы, Гондофар опустился на покрытый львиной шкурой трон. Справа от него восседала ассакенская знать: родственники царя и главы кланов. Эта часть трибуны поражала роскошью одежды, лисьими и собольими мехами, блеском золота.

По левую руку располагались вожди эллинской диаспоры: архонты, зажиточные клерухи, гиппархи⁴⁷, настоятели хра-

⁴⁶ Кулах – мужской головной убор из мягкого фетра с нащечниками и башлыком.

⁴⁷ Гиппарх – начальник конницы в древнегреческой армии, командующий пя-

мов. Золотые фибулы с крупными самоцветами, схватывающие ткань у шеи, говорили о достатке и высоком положении македонян, однако в однотонных гиматиях они выглядели скромно – кичиться богатством перед варварами считалось среди коренных жителей Бактры неприличным.

Зато их жены и дочери не уступали ассакенским женщинам в обилии и изяществе золотых диадем, брошей и браслетов. Некоторые закрывали лица и плечи от яркого солнца широкими полями соломенных шляп.

Эллины Бактры присутствовали на празднике по принуждению. А куда денешься – свита царя обязана сопровождать его на всех церемониях, даже устроенных во славу языческого божества.

Когда-то жрецы Артемиды скрепя сердце согласились на установку в святилище фигуры Анахиты из соображений здравого смысла: ничего, что статуи стоят рядом, зато храм останется целым и невредимым. Новые поколения эллинов успели привыкнуть к странному соседству богинь и часто приносили дары обеим сразу. Тем более, что и та, и другая помогают при родах, а также наполняют груди женщин молоком. Только ассакены называли кумирню по-своему – «храмом Воды».

Ближе всех к царю сидел стратег⁴⁸ с семьей – крепкий бо-

тью филами, который избирался только из числа обеспеченных граждан, поэтому не получал жалованья из городской казны.

⁴⁸ Стратег – высшая выборная военная должность в античном полисе, главнокомандующий войском.

родатый мужчина средних лет. Величественная осанка и волевой подбородок выдавали в нем уверенного в себе воина. Его жена и дочери оживленно переговаривались, поглядывая на всадников.

Одна из девушек, совсем юная, с вьющимися русыми волосами, собранными на затылке в лампадион, что-то увлеченно рассказывала соседке, трогательно сложив перед собой ладошки. Светлые пряди спадали с висков, обрамляя не тронутое загаром лицо с высоким лбом. Даже на расстоянии Куджула заметил ее беззащитную, удивительно милую улыбку.

Отшумели мартовские ливни, отгремели грозы, земля напилалась влагой и покрылась сочным разнотравьем. Пастухи за несколько дней до игр прогнали по полю стада коз, которые срезали траву до корней. Животные съели бы и корни, раскопав землю копытами, но козопасы не дремали, не давали животным застояться на одном месте: без корней грунт пересохнет, потеряет упругость.

Затем по долине цепью прошли рабы, собирая в мешки все лишнее, ненужное, опасное – коряги, булыжники, керамические черепки. Они срезали бугры, заливали отравой кротовые норы, после чего засыпали землей.

Апрельское солнце жадно впивалось лучами в почву, вытягивая из нее остатки влаги, а поле наливалось силой, твердело, готовясь к безжалостным ударам лошадиных копыт, азарту и ярости схватки.

После того, как участники состязания по очереди поприветствовали Гондофара, глашатаи объявили перерыв – царь и свита должны перед началом скачек по традиции выпить вина. Виночерпий засуетились, забежали между рядами, раздавая ритоны, подтаскивая кувшины, в то время как наездники вместе с конями ожидали возле трибун.

Выскочили два карлика-шута, забрались на баранов, схватились руками, кривляясь и дурачась. Свита покатывалась со смеху, глядя на потешных борцов.

Тем временем жрецы запалили хворост и начали принимать жертвы от паломников: голубей и всякую птицу – от бедных; ягнят и бычков – от тех, кто побогаче. Предназначенные богине куски мяса и содранные шкуры с молитвой бросали в горящий хворост, а остальные части туши зажаривали на вертелах, раздавая всем желающим.

Обреченно кричали животные, мелькали в воздухе тесак, кромсая шеи, топоры с хрустом разрубали кости, кровь лилась рекой по алтарям...

День был ясным, хотя и ветреным. Со стороны степи ветер приносил не различимую для глаза, но ощутимую на коже и во рту сухую пыль. В бездонном лазоревом небе мелкие барашки облаков плыли рядами друг за другом, словно там уже начались скачки, и теперь белые кони несутся к солнцу,

управляемые невидимыми всадниками.

Оруженосцы еще раз проверили сбрую – не сбились ли ремни уздечки, нет ли трещин в пронизьях-застежках, насколько туго схвачены подпруги. Тут важно, чтобы хитрая лошадь не надула живот, когда затягиваешь трок. Если появится слабина, седло от тряски может сползти набок, тогда всаднику будет трудно удержаться на коне.

Теперь на лошадях были только чепраки и седла. Наездники сняли с себя все лишнее, оставшись в туниках и легких сандалиях. Распорядитель в красном тюрбане и длинном парчовом халате ходил от одного участника к другому, справлялся, все ли в порядке, нет ли просьб.

Следом поспевал вертлявый помощник, всюду совал нос, дергал подпруги, угодливо скалясь. В суматохе подготовки на него никто не обращал внимания. А зря! Поднырнув под одну из лошадей, он ножиком быстро подрезал трок, а затем бросился в сторону, словно его тут и не было. Но дело сделано – эллин долго не продержится в седле, а значит, одним серьезным соперником меньше.

Как и всякий степняк, Куджула был прирожденным наездником. Сколько он себя помнил, лошади всегда были рядом.

Он внимательно осмотрел коней соперников. Этот мощный, горячий, но задирает голову. Может, и выносливый, но вряд ли быстрый, да и управлять таким конем трудно. У этого шея слишком толстая и вообще передняя часть туловища тяжелее задней, значит, передние ноги сильнее, поэтому на-

грузка будет неравномерной, и он быстро устанет. Вон та кобыла вдруг сникла, голову вытягивает вперед. Под ноздрями корка – похоже на мыт, видно, болезнь внезапно обострилась после дальнего перегона. Всадник удрученно постоял рядом, успокаивая лошадь, поглаживая по шее, затем решительно повел прочь. Навстречу торопится оруженосец с запасным скакуном.

«Это на руку, – отметил для себя Куджула. – Подъездок обычно рысак, не самый лучший конь».

А вот у элина конь отличный – согдийский аргамак, крупный, с сухими крепкими ногами, глаза блестящие. У царского сына конь тоже хорош: ноги сильные, длинные, голова горбоносая, уши маленькие и подвижные. С этими двумя, похоже, и придется побороться.

Гнедая кушана горячилась, пританцовывала, чуя, что вот-вот начнутся скачки, нервничала.

«Скорей бы уже к шесту, – подумал Куджула, – плохо, если конь застоит».

Тут же глухо ударили дамамы, глашатаи вызвали участников на исходную позицию. Распорядитель восседал на коне возле шеста, торжественно держа перед собой на вытянутой руке увитый разноцветными лентами жезл.

Семеро княжичей выстроились в ряд.

Всадники и кони напряжены, лошади нервно прядут ушами и грызут удила, перебирая ногами. Музыка стихла, но шум усилился: с трибун доносятся возбужденные голоса по-

четных гостей, а возгласы в толпе зрителей сливаются в монотонный гул, не то радостный, не то тревожный.

Распорядитель резко взмахнул жезлом.

Мгновение – и наездники с криками, горловыми руладами, свистом заработали локтями и коленями. Кони рванулись вперед, выбрасывая копытами куски дерна. Вначале они мчались по краю поля, почти прижавшись друг к другу, пролетая шесты ограждения с красными флажками. Слева и справа от Куджулы мелькали, раскачиваясь в ритме бега, оскаленные лошадиные морды с сумасшедшими глазами, перекошенные азартом лица всадников.

К концу первого круга участники все еще скакали кучей, поочередно то вырываясь вперед, то отставая на пол-крупы. Пронеслись мимо трибун бешеным галопом, сотрясая землю ударами копыт, обдав гостей вихрем из горячего дыхания, натужных хрипов и пыли.

Аравийская гнедая шла широким махом, вытянувшись над землей. Куджула вжался в шею, словно слился с ней. Он не принуждал кобылу хлыстом, а дал волю, лишь слегка касаясь кожи поводьями.

Кони пролетели второй круг, третий...

Наконец определились лидеры и отставшие. Впереди мчался эллин на аргамеке, за ним Куджула. Следом во весь опор скакал Пакора, нахлестывая скакуна камчой, но расстояние между ним и конем Куджулы заметно увеличивалось.

Оставался последний круг.

Внезапно эллин ухватился за луку седла, словно пытаясь удержаться. Через секунду седло сползло набок, а всадник вцепился в гриву коня, чтобы не упасть. Конь сбился с ритма, завилял, отчего эллин сразу съехал вниз. Седло повисло на шейной подпруге, мешая всаднику забраться на спину аргамака. Эллин изо всех сил старался подтянуть ноги, которые теперь волочились по земле. Еще миг – и он, обессилев, рухнет под копыта настигавших его лошадей.

Куджула поравнялся с аргамаком, на всем скаку наклонился в седле и схватил эллина за хитон, удерживая над землей словно тюк. Соперники промчались мимо, заляпав обоих ошметками дерна. Над полем пронесся стон – тысячи глоток разом выдохнули в изумлении.

Обе лошади перешли на рысь, потом на шаг и, наконец, остановились.

Подбежали слуги, переложили эллина на конскую попону. Тот не мог идти – ноги ниже колен были покрыты грязью и кровью. Он старался казаться невозмутимым, но предательски побелевшее лицо выдавало настоящие чувства.

Воины расчистили путь сквозь толпу зрителей к ближайшему шатру, а затем встали вокруг в оцепление. Вскоре в шатер ворвался стратег. Опустившись на колени перед сыном, он с тревогой посмотрел ему в лицо.

– Гермей, ты жив, слава Зевсу Арею!

– Повезло, что грудной ремень выдержал, – раненый слабо улыбнулся.

– Что с ногами?

– Не знаю, кажется, повредил правую стопу, жутко болит. Левая просто ободрана. Если бы не кушан...

– Ничего, как только я привезу тебя домой, тобой займется Бассарей.

Стратег протянул Куджуле руку.

– Меня зовут Деимах, я предводитель эллинов Бактры. Ты спас жизнь моему сыну, и я прикажу заколоть быка в храме Зевса в благодарность богу и тебе – его посланнику. Как только Гермей поправится, я буду рад видеть тебя в моем доме.

Сказав это, он обнял кушана.

Вскоре раненого погрузили на повозку и отправили в город.

Куджула вышел из шатра. Он не жалел о том, что спас соперника, просто сердился, что все закончилось так неудачно и непредсказуемо. А ведь на последнем круге шел вторым. Нахмурившись, он смотрел, как царь чествует на трибуне победителя скачек – своего сына: сначала возложил на голову золотой венок, затем обнял и усадил рядом с тронном.

Кушан решил, что надо взять себя в руки – впереди козлодрание. Даже хорошо, что он злится, это правильное состояние перед дракой.

Кое-как справившись с чувствами, Куджула двинулся к своему шатру. Царское бузкаши – это еще один турнир для отпрысков из княжеских родов. Но таких приехало мало, так

что козлодрание не будет зрелищным. Настоящее столпотворение начнется, когда царь покинет ристалище, а на поле ринутся все желающие – сотни мастеров. Состязание будет длиться несколько дней, и от рассвета до заката долина будет похожа на кишачий муравейник.

Октар вывел под уздцы коней для козлодрания – тарпана и бактрийца. Оба рысака зло жевали грызла и перебирали ногами: чувствовали, что схватка вот-вот начнется, им не терпелось ринуться в бой.

Седла на них особенные – деревянные, с высокими луками – для лучшей опоры всадника, а сбруя усилена хвостовым ремнем.

Вновь глухо ударили дамамы.

Участники вышли на поле, держа коней в поводу. Княжичи в одежде желтого цвета, оруженосцы – в черном. Задача оруженосца заключалась в том, чтобы мешать соперникам и защищать хозяина. Поднять руку на желтого нельзя – за это он ответит головой, но ударить его коня своим конем, смять, оттолкнуть в сторону – можно.

Царские слуги обошли рысаков, проверили, чтобы на копытах не было железных пластин, иначе, лягаясь, они покалечат друг друга и всадников. Это было единственным ограничением в козлодрании, все остальное разрешалось. Игра древняя, правила не менялись столетиями: пусть лучше княжичи лупят друг друга плетками, чем рубят мечами. Победителем станет тот, кто сбросит тушу в круг на противополо-

ложном конце поля.

Поперек седла чапандаза – распорядителя турнира – лежала туша черного козла. За два дня до бузкаши его закололи, отрубили голову и ноги ниже колен, а затем вымочили в соленой воде, чтобы он стал тяжелее и крепче. У козла шкура более прочная, чем у барана, поэтому его труднее разорвать на части. А еще у него холодное дыхание, ведь он создан дэвами ручьев и пещер, а значит, считается нечистым животным. Его можно трепать и валять в грязи – не жалко.

Участники вскочили в седла.

Чапандаз швырнул тушу на землю перед собой, после чего, развернув рысак, быстро поехал к краю поля. Мгновение – и всадники, бросив коней в карьер, сгрудились вокруг козла. То один, то другой из них наклонялся к земле, обняв шею лошади, чтобы подобрать тушу. Но его били камчой, пинали ногами.

Куджула боролся в центре желтой кучи – оруженосцы пока держались на расстоянии. Кони кусали друг друга, лягались и вставали на дыбы. Не все лезли к туше – в такой свалке легко покалечиться. Зато тот, кто первым схватит козла, имеет преимущество, потому что отобрать его на скаку труднее, чем поднять с земли.

Удача улыбнулась согдийцу – он бросился в сторону, держа тушу за ногу.

Оруженосцы не дремлют: один из них метнулся наперерез желтому, мешает, а сзади уже догоняют соперники. Ган-

дарей прилип сбоку, схватил козла за другую ногу, дергает. Согдиец упирается, хотя ударить не может – руки заняты. Гандарей цапнул поводья его лошади, тянет на себя. С другой стороны подскочил Пакора, замахнулся камчой. Согдиец поднял плечо, закрылся, но выпустил козла...

Вот уже гандарей несется с тушей по полю, остальные с гиканьем устремились следом. Но перед ним выскочил черный парфянин, подставил коня, не объехать. Чтобы избежать столкновения, гандарей поднял рысака на дыбы. Как тут удержаться в седле! – он вместе с тушей свалился на землю. Подлетел оруженосец, оттеснил соперников, дав возможность хозяину вскочить на коня. Но козел был уже у сакка, который рванулся вперед. Внезапно на него налетел черный хорасмий. Сак закричал от боли – удар лошадиной груди пришелся на ногу – и выпустил тушу.

Куджула с камчой в зубах резко нагнулся, подхватил козла.

Пустив тарпана в галоп, он помчался к заветному краю поля. Но с боков налетели двое желтых, зажали в тиски, остановили коня. И тут спереди, словно из засады, на него помчался кто-то огромный, черный. Всадник уже рядом, Куджула видел его перекошенное от ярости лицо, пену на морде коня. Еще миг! – сейчас эта дикая, неудержимая масса налетит на него, сомнет, опрокинет, раздавит.

Наперерез ассакену бросился Октар.

Встав на седло и оттолкнувшись обеими ногами, он как

тигр прыгнул на черного всадника. Оба покатались по земле комом из живых тел прямо под копыта беснующихся лошадей.

Верный слуга не видел, как Куджула отпихнул ногой одного желтого, ударил камчой другого, а затем рванулся вперед. Доскакав до круга, швырнул козла на траву и восторженно вскинул руки. Он не видел, как Гондофар сжал побелевшие от досады губы. Не слышал, как сотни глоток заревели в восторге, выкрикивая имя победителя.

Октар неподвижно лежал на земле, а рядом с ним на боку застыл мертвый ассакен с проломленной ударом лошадиного копыта головой.

Глава 2

Бактриана, 113-й год Кушанской эры, месяц Аша-Вахишта⁴⁹

1

Куджула сидел на ковре, облокотившись спиной на одну из четырех деревянных колонн, которые поддерживали крышу ойкоса⁵⁰. Из прямоугольного отверстия бил солнечный свет, освещая кушана и его собеседника.

Напротив расположился молодой иудей со спутанными вьющимися волосами, по виду ровесник хозяина. Худое изможденное лицо, а также темные круги под глазами говорили о том, что последнее время ему пришлось несладко.

Общались на греческом.

Между молодыми людьми стояло блюдо с миндалем и кувшин кумыса. Заметив, как жадно гость смотрит на орехи, Куджула сказал:

– Ешь... Если голоден, скажи. Я прикажу принести еще еды.

⁴⁹ Аша-Вахишта – месяц древнего зороастрийского календаря, соответствует месяцу ардибехешт современного иранского календаря, т. е. апрелю – маю.

⁵⁰ Ойкос – главный зал античного жилища.

– Спасибо, друг, – ответил иудей приятным баритоном, – этого достаточно, ты очень добр ко мне.

Зачерпнув целую горсть орехов, он отправил ее в рот, энергично заработал челюстями. Куджула улыбнулся и рывком встал. Распахнув резные створки двери, вышел в коридор. До гостя еле слышно донеслось: «Принеси сыр, хлеб, холодное мясо... и еще кумыса».

Вскоре хозяин вернулся. Закрыв за собой дверь, уселся на старое место.

– Рассказывай, – обратился он к иудею.

– Что ты хочешь услышать?

– Мне все интересно знать: кто ты, откуда, где научился врачевать, как попал сюда. Чем больше расскажешь, тем меньше вопросов мне придется задавать. Я уже знаю, что тебя зовут Иешуа. Еще знаю, что ты здесь недавно, – это не трудно, твоя одежда выглядит так, словно тебя целый фарсах волочили по земле.

– Мы пришли несколько дней назад.

– Кто это – мы?

– Я и мои друзья из Хагматаны: Иона, Шаддай, Ицхак. С нами был еще Лаван, но он погиб... упал в реку... унесло течением.

– Из Парфии? – удивился Куджула. – А сюда-то зачем?

Иудей замаялся, не зная, может ли он доверять хозяину, а врать не хотелось. Но тот все понял по выражению его лица и серьезно сказал:

– Говори не таясь, я тебя не сдам, даже если ты сделал что-то плохое. Когда придет время, твоим судьей станет Митра. За то, что ты спас Октара, я должен тебя озолотить, но у меня нет золота, я сам пленник. Так что отплатить могу только дружбой. Ну, вот еще орехами...

Теперь улыбнулся гость.

– Я уже сказал, что ты добр ко мне. Я это оценил. А насчет Митры не уверен, все-таки я иври.

Раздался стук в дверь, после чего в комнату вошел слуга с подносом и поставил его на ковер. Кушан подвинул поднос к иудею. Тот виновато улыбнулся, затем стал жадно запихивать куски мяса в рот, запивая кумысом.

Еще не закончив жевать, с полным ртом заговорил:

– Зимой на Вонона было покушение, его пытались отравить, но он выжил. В заговоре участвовали беждины из храма Победного огня. Наш рофэ Ицхак был с ними дружен. Когда взяли эрбада Мирзу, Ицхак сказал, что нам лучше спрятаться... Ушли в горы, жили в шалаше, пока Вонон не сбежал в Армению. Тяжелое было время... Остаться все равно было опасно, потому что Вонон пытался вернуть трон. И мы бежали в Александрию в Арии⁵¹, затем в Бактру. Шли три месяца с попутными караванами. Несколько раз нас пытались сделать рабами, но мы откупались. Во время переправы через Теджен погиб Лаван... Ицхак тоже плох, еле дышит, старый

⁵¹ Александрия в Арии – современный город Герат на северо-западе Афганистана.

уже. О судьбе тех, кто остался в Хагматане, я ничего не знаю.

Иешуа замолчал и вытер рот тыльной стороной ладони, заставив себя не смотреть на еду.

– Вы были замешаны в отравлении? – нахмурившись, спросил Куджула.

– Нет, просто брали у беждинов травы. Но во время облавы иудеев хватают первыми.

– Почему ты не лечишь Ицхака?

– Я не всемогущ, его время пришло.

– Я видел, что ты сделал с Октаром. С такими увечьями не живут, когда его внесли в шатер, это был мешок с костями. Я думал, что он испустит дух, не приходя в сознание. А потом вдруг появился ты... Я даже не помню, кто тебя привел.

– Иудеи есть везде, – глубокомысленно изрек Иешуа. – А на бузкаши раздавали мясо...

– Как ты это делаешь? Одними руками...

– Не знаю... Само получается, нужно просто захотеть.

Он отрешенно потер ладони и, взглянув на кушана, изобразил подобие улыбки. Объяснять не имело смысла: его способности находятся за пределами человеческого понимания. Покопавшись в дорожной сумке, вынул холщовый мешочек, передал хозяину.

– Здесь молотые травы и коренья: марена, горечавка, дубовая кора, чертополох, золототысячник... Октара надо поить отваром, пока не встанет на ноги. И еще... пусть спит, не тревожь – во сне кости лучше срастаются.

Оба посмотрели в угол зала, где на циновках под одеялом спал кангюец.

– Мне пора, – сказал Иешуа.

– Нет, – уверенно заявил Куджула, – я тебя не отпущу.

Потом спохватился:

– Вернее... ты, конечно, можешь уйти, когда захочешь. Но сам подумай: у тебя с друзьями на руках больной старик, вы в чужом городе... Деньги-то хоть есть?

– Да, немного... Иудеи не чужие только в Палестине, мы привыкли. В Бактре есть община, нам выделили пустующий дом. Я плотник, Шаддай с Ионой каменщики – заработаем. Мне нужно идти.

Иешуа поднялся. Молодые люди обнялись.

С этого дня между ними установилась прочная дружба. По просьбе Куджулы иудею дали пропуск во дворец, и он заглядывал к другу по вечерам, когда был свободен от работы. Иногда Куджулу отпускали под присмотром стражника к Балху, чтобы искупать лошадей. Друзья плескались вместе с конями в прохладной коричневой воде, а потом сидели на песчаной отмели, греясь на солнце.

Иешуа рассказывал Куджуле о том, как оказался в Хагма-тане. О полном опасностей пути из Иерушалаима в Тадмор. О трудностях, с которыми каравану пришлось столкнуться в пустыне Эш-Шам. О древней величественной реке Евфрат и греческом городе Селевкия-на-Тигре.

Кушану казалось, будто он вместе с ним ходит по базару в

Дамесеке, вдыхая сладковатый аромат благовоний и пряный запах специй. Или устало бредет по берегу Евфрата, слушая шелест рогоза и плеск воды. Вдыхает наполненный пылью горячий воздух пустыни, взбирается по горным откосам, отмахивается от полчищ саранчи среди скал...

История о том, как караван иудеев преследовали дэвы, показалась ему невероятной. С ним еще никогда не происходило ничего сверхъестественного, поэтому он недоверчиво слушал, как духи принимают человеческий облик, чтобы навредить жертве или даже погубить ее.

– Ну так что... эти дэвы – «шедим», как ты их называешь, – больше тебя не трогали?

– Ты знаешь, открыто они не появляются, но я часто чувствую их присутствие – как сырым ветром вдруг обдаст, аж мурашки по коже. Бывает, внутри будто струну натянули до предела, а из рук все валится. Я тогда начинаю молиться, и морок проходит. Иногда странный человек на улице покосится исподлобья, потом отвернется и уходит... Злое лицо торговки на базаре – вроде бы ничем не отличается от многих, но ты ощущаешь ее пристальный взгляд, кажется, она смотрит сквозь толпу только на тебя. Или вдруг острое чувство – нельзя поворачивать за угол. Остановишься – тут же в стену врезается колесо от арбы, и ты понимаешь: стоило сделать шаг, и все – увечье или смерть. Мне кажется, что гибель Лавана тоже не была случайной.

– Тебя кто-то предупреждает?

Иешуа досадливо сжал губы. Несмотря на доверительные отношения между ним и Куджулой, он еще не был готов открыть другу самое сокровенное: способность слышать голоса и разговаривать с ними. Еще помнилось озадаченное выражение на лице Эзры, молодого погонщика, когда Иешуа неосторожно проговорился. Это было в начале пути из Иерусалаима по Дороге горы в Дамесек. Тогда Иешуа был бесхитростным подростком, который не понимал: то, что для него является привычным и обыденным, другим может показаться странным, необъяснимым, пугающим. Теперь он молодой мужчина и знает, что есть вещи, о которых не должен знать никто, или почти никто. Врать другу он не хотел, а правду сейчас сказать не мог, поэтому пришлось уйти от ответа.

– Давай отложим этот разговор.

– Да ладно, – отмахнулся Куджула, – не хочешь рассказывать, не надо.

На второй день пути отряд Тахмуреса заночевал в предгорьях Паропамиса. Пока воины расседлывали лошадей, командир стоял по колено в ковыле, глядя на вставшую перед ним на дыбы землю. Он знал: чтобы пересечь эту горную страну, потребуется не меньше двух недель. А еще он знал, что истинное лицо гор – не такое. На границе со степью горы покорно стелются невысокими однообразными холмами, успокаивают ясным лазорево-голубым небом, пологими откосами, зеленым редколесьем...

Но стоит углубиться в эти обманчивые, предательские складки, оказаться на окруженной кручами тропе, как они покажут свою власть над беспечным путником. Зальют ливнями, завалят оползнями, заморозят холодом ледников.

На голом волнистом косогоре ютилась деревушка. Сакли без крыш, сложенные из разномастных кусков песчаника, жались друг к дружке, почти сливаясь с коричневыми скалами. Щели между камнями были грубо промазаны глиной. Лишь струйки дыма выдавали в нагромождении обломков жилище человека.

На закате Тахмурес взял с собой двух воинов и вскарабкался по оползню наверх. Раздался свист, после чего от ближайшей хижины навстречу метнулся бактриец с копьем в руке. Он явно следил за непрошеными гостями из темноты но-

ры, не показываясь, пока те не вошли в деревню. Со всех сторон уже бежали соплеменники, держа наготове оружие – копья и длинные, похожие на сабли, ножи.

Кушан поднял руки в приветствии, открытые ладони говорили о мирных намерениях. Узнав, что чужаки ищут проводника, бактриец с заросшим до самых глаз лицом завел их в дом.

Обстановка жилища оказалась более чем скромной: сложенный из камней очаг, тростниковые курпачи⁵² на земляном полу, сверху шкуры, под которыми прячутся женщины и дети. Полки из связанных лыком жердей, забитые горшками и мисками, довершали убогое убранство. Лачуга топилась по-черному, поэтому едкий дым кизяка, не успевая вылететь через отверстие в крыше, резал глаза.

В саклю набились мужчины в коричневых тарбанах⁵³. Все вместе, и кушаны, и бактрийцы, расселись на циновках возле очага. Только между костром и ближней стеной никто не сидел – там было место духов клана. Из темноты на гостей неподвижным свирепым взглядом уставился деревянный истукан с измазанным жиром лицом. Его раскрашенные глаза казались живыми.

– Вы кто? – спросил хозяин на странном, но понятном языке.

То, что горцы доверили ему вести переговоры с гостями,

⁵² Курпач – восточная стеганая циновка из ткани, коврик.

⁵³ Тарбан – чалма, платок, обмотанный вокруг головы.

свидетельствовало о его высоком положении в общине. Скорее всего, он являлся джастом – старостой селения. – Посольство Герая, – ответил Тахмурес.

Фарсиваны одобрительно зашумели, закивали головами. Джаст собрал бороду в кулак и задумался.

Затем изрек:

– Герай враг Гондофара, а значит, друг оракзаям. Наши предки тоже когда-то пришли сюда из Таримской долины, спасаясь от хунну. Мы проведем вас в Капишу⁵⁴. Правда, пора сейчас неподходящая – в горах еще сезон дождей, так что нужно хотя бы дожждаться полной луны.

– Времени нет. Неужели никак не пройти перевалы?

– Не знаю... – горец тяжело вздохнул. – Можно, но очень опасно. Я за вашу жизнь не дам и обола⁵⁵.

«Цену набивает», – догадался Тахмурес.

Он посмотрел на спутников. Те сосредоточенно молчали, хмурились, но никто не возражал командиру.

– Надо идти, сердцем чую... Гондофар так просто не отпустит. Вот, возьмите, это плата за помощь.

Кушан бросил на циновку кошель. Глухо звякнули золотые персидские дарики...

На рассвете отряд вышел в путь.

⁵⁴ Капиша – древний бактрийский город, во времена Александра Македонского носивший название Александрия Кавказская, современный афганский город Баграм.

⁵⁵ Обол – мелкая древнегреческая медная монета, имевшая хождение по всей Передней Азии.

Дорогу взялся показывать сам староста, назвавшийся Мадием. Перед выходом он поставил условие – останавливаться на ночевку кушаны будут только тогда, когда скажет он.

Сначала предстояло пройти до конца долины, которая, словно лезвие ножа, врезалась в горный массив, а острием упиралась в поперечную гряду. Позади осталась плодородная Бактрийская равнина: поля хлопчатника, бахчи с дынями и арбузами, абрикосовые сады, миндальные рощи.

Вокруг высились холмы Паропамиса, безжизненные, коричневые, кое-где у самых верхушек еще покрытые белыми пятнами снега. Каменистые откосы были испещрены поросшими мятликом и полынью кочками, между которыми торчали редкие стебли осоки, будто выросшие здесь по недоразумению. По светло-бурым осыпям, цепляясь за малейшую неровность, карабкались кусты терескена.

Долина резко закончилась у отвесной стены.

Вскоре отряд вошел в узкое ущелье. Свет померк, воздух сделался сырым, словно люди спустились в склеп. Всадники двигались по узкой тропинке вдоль шумевшей на дне теснины темно-свинцовой речки.

Вокруг вздымались вертикальные кручи, расположенные настолько близко друг к другу, что проход сузился до двадцати локтей. Казалось, еще немного, и стены сдвинутся, ловушка захлопнется, раздавив крошечных людей вместе с лошадьми каменными створками вечности.

Ни травинки, ни кустика на гладких безжизненных отко-

сах – лишь холодная, иссеченная трещинами твердь. Кушанам, выросшим среди бескрайнего степного простора, стало не по себе в мрачном колодце. Над головой завывал попавший в западню восточный ветер.

«Надо привыкать ко всему, – подумал Тахмурес, – горы теперь надолго станут моим домом».

Постепенно стены ущелья разошлись.

Проглянуло солнце, но отряд проехал еще не меньше десяти плетров⁵⁶, прежде чем вновь оказался на открытом пространстве. Гора разжала смертоносные челюсти, выпустив людей из своих недр.

Дорога серпантинном спустилась в долину. Громадный хребет слева плавно изгибался, в то время как невысокая гряда справа резко ушла в сторону. Теперь кушаны двигались по узкому распадку в окружении сопок с крутыми склонами, словно по туннелю.

Глаз радовало ясеневое редколесье, сменяющееся березовыми рошицами. Впереди ехал Мадий, за ним Тахмурес и остальные воины. В ясном безоблачном небе сарыч гонялся за пернатой мелочью. Над дорогой разнесся его протяжный крик, похожий на мяуканье кошки, и, отраженный от скал, заметался по ущелью.

– Сам Имра указывает нам путь, – довольно заявил оракай, провожая птицу взглядом.

Тропинка вилась среди россыпи камней, между глыбами

⁵⁶ Плетр – древнегреческая мера длины, равная тридцати одному метру.

с острыми неровными краями, обходила поросшие мхом валуны. Часто приходилось обходить завалы из коряг впере-
мешку с грязью и щебнем, оставленные недавним селом.

Отряд вошел в балку, и перед глазами путников возникла новая гряда, еще выше первой – казалось, она поднимается над головами до самого неба. Вскоре путь преградил поперечный кряж, острый, как зазубрина дротика. Пришлось его обходить, зато дальше открывалась широкая долина.

Тахмурес решил сделать привал.

– Что это за место? – спросил он проводника.

– Ущелье Саманган. Эллины называют его Македонским. Когда-то здесь прошла армия Искандара-Подшо. Мы и дальше пойдем его путем до самой Капишы. Или тебе больше нравится греческое название – Александрия Кавказская?

– Мне все равно, – ответил кушан, потом недоверчиво спросил: – Целая армия?

– Ну да. Говорят, он тогда направлялся в Хиндустан⁵⁷. Вся дорога была усеяна трупами эллинов.

Тахмурес удивленно вскинул брови.

Оракзай объяснил:

– Дичи здесь мало, потому что нет травы – одна глина да камни. На перевалах попадаются архары, так их из лука не достать. Абрикосовые и тутовые деревья в горах не растут, собрать можно только фисташки и сосновые семена, ими не наешься. Говорят, солдаты тащили груз на себе, потому что

⁵⁷ Хиндустан – древнеиранское название Индии.

по дороге съели всех выючных животных. Причем в сыром виде – где столько дров возьмешь? Лечились сильфием, он тут растет в изобилии. Хотя здешний сорт и вонючий, но от колики в животе спасает. Многие погибли из-за непогоды и переутомления... Как у вас с провиантом?

– Есть вяленое мясо, сушеный инжир... Дичь попробуем добыть. Мы не армия, прокормимся. Что у вас тут еще водится?

– Ну, в долинах встречаются кабаны, может, и олень попадется... Из птиц – гуси, улары... Но дожди скоро закончатся, так что гуси улетят к Амударье. Улары высоту любят, гнездятся на скалах... Добыть улара непросто.

– А хищники?

– Медведи. Есть и рысь. С вершин может спуститься снежный барс. Но лучше нам их не встречать, а то неизвестно, кто кем пообедает. Бывает, дэвы принимают облик хищников и специально приходят к караванам, чтобы навредить.

– Дэвы? – переспросил кушан. – В наших степях их полно... не знал, что они в горах живут.

– А как же, – с готовностью принялся объяснять Мадий. – К примеру, юши и их жены – вечи. Юши когда-то боролись с богами за власть, но проиграли. Они огромные и с ног до головы покрыты лесом. А во время непогоды режут вместе с бурей. Обвалы в горах, сели, проливные ливни... это их рук дело. Вот, например, ты идешь по тропе, смотришь – скала, похожая на человека, или просто красная. Так вот, это

юш и есть. Он специально окаменел, чтобы тебе на глаза не попадаться. А ты не будь дураком – не садись: возле таких скал надо быть особенно осторожным, не ровен час лавина сорвется или наступишь на присыпанную снегом трещину. Под ноги надо внимательно смотреть, потому как ступню в таком месте подвернуть – раз плюнуть. Кто тебя потом с гор спускать будет? Так и пропадешь... Если увидишь на склоне незнакомого охотника с луком и стрелами... такого ветхого, неуклюжего, словно древнего... лучше не подходить – это юш. Они выращивают просо на террасах высоко в горах, так что, коль встретил неопознанную делянку, – не лезь туда, пожалеешь... Вечи считаются ведьмами ущелий. Это такие мрази, что запросто могут коню подсунуть камень под копыто, чтобы он оступись. Или ты сел за валун, хочешь костер разжечь, а она из-за скалы – как дунет на огонь, он и погаснет... Или скинет тебе охапку снега за шиворот. А сама смеется, пляшет неподалеку – так и вьется, качается из стороны в сторону, словно маленький вихрь... Но мы-то знаем: ведьма!

Тахмурес смотрел на оракзая с непроницаемым лицом, но внутри росло недоверие к его словам.

«Чего он меня духами пугает? – думал он. – Если в каждом внезапном порыве ветра видеть происки храфстр, то всю жизнь придется провести в позе молящегося египтянина. Как будто у дэвов нет других забот, кроме как мешаться под ногами путников и разбрасывать камни на дороге. Ну,

положил в костер ветку можжевельника, вылил в реку миску молока – и хватит, духам этого вполне достаточно, можешь смело заниматься своими делами. Мы в степях так живем, и ничего...»

Проводник продолжал описывать нелюдей, не замечая озорных искорок в глазах кушана.

– Бывает, идет пастух с маленьким стадом по едва заметной тропке. Козы завернули за скалу, и вдруг – тихо, пастух огибает валун, а коз нигде нет. Он подползает к обрыву, смотрит вниз, а на берегу реки точки черные – это, значит, его козы сорвались... Только они не сами упали, их вечи столкнули... Я вот, например, всегда змей убиваю, потому что знаю, что это вечи. Если на пути попадется мертвый человек с дыркой в голове – точно дэв. Через дырку душа дэва покидает тело. Только не вздумай труп ударить, иначе сразу оживет. Тогда ты пропал, он тебя сожрет! Рубить его бесполезно, из каждого куска вырастает новый дэв. Спасешься, лишь выстрелив в него стрелой, измазанной собственными испражнениями. Если, конечно, успеешь их добыть...

Тут Тахмурес не удержался – ухмыльнулся, неожиданный поворот в рассказе оракзя его развеселил. Мадий расхохотался, довольный тем, что все-таки пробил чужака хоть на какое-то переживание.

– Да уж, – согласился кушан, усмешка так и не сползла с губ. – У вас тут не соскучишься.

Потом решил подыграть:

– Так что, с духами гор бесполезно бороться?

– Ну, почему? Можно их задобрить. Например, чтобы феи просяных и пшеничных полей не вытаптывали посевы, мы им жертвы приносим: на делянке разжигаем костер из можжевельника, бросаем в него топленое масло, хлеб... еще заклинания произносим. Вечи любят, когда для них козлят режут, тогда они селению помогают. Если возле дерева, на котором живет лесной дух, оставить какую-нибудь вещь, ее никто не украдет. Надо не забыть его за это отблагодарить...

Тахмурес, которому надоело слушать байки про местную нечисть, огляделся и со знанием дела заметил:

– Хорошее место для засады.

– Это ты верно подметил, – согласился Мадий. – Мы тут частенько подкарауливаем караваны.

– Так вы разбойники? – придав голосу показную строгость, спросил Тахмурес.

– Нет, – поморщился бактриец, – никого не убиваем, просто скатываем сверху валуны или пальнем пару раз из лука, чтобы нас заметили. Купцы сами останавливаются, поднимают руки и приглашают на переговоры. Они ведь не знают, что нас мало... Тем и живем.

– Значит, нам повезло, что заплатили за проход? – теперь уже с притворным испугом спросил кушан, пряча улыбку в усах.

Мадий оценил шутку.

– А то! Сейчас бы твоих людей рвали грифы.

Оба рассмеялись.

– Но ты учти, – оракзай посерьезнел, – впереди много перевалов, и каждый охраняется каким-нибудь племенем. Денег-то хватит всем платить? Или будешь с боем прорываться?

– Там посмотрим, – Тахмурес сделал вид, что занят заточкой лезвия топора о камень.

«Ох, и фрукт этот горец! – подумал он. – Надо быть с ним повнимательнее».

Гермей поправлялся на глазах.

Наконец настал день, когда он смог самостоятельно выйти в сад, опираясь на палку из тисового дерева. Ему показалось, что за те две недели, что он вынужденно просидел дома, мир успел измениться. Фисташки и миндаль все еще цвели: нежно-розовые и белые купола крон колыхались на ветру, наполняя воздух сводящим с ума ароматом. Небо стало выше и прозрачнее – до звона в ушах, горы словно отодвинулись дальше, а оштукатуренные стены построек сияли на полуденном солнце неестественной пронзительной белизной.

Он ждал Куджулу, которому отец послал приглашение на второй завтрак. Оба ойкета⁵⁸ суетились во дворе: расстелили ковры, набросали на них подушки и теперь расставляли блюда с едой. Из сада доносились смех и звонкие девичьи голоса – сестры затеяли игру в кольцо.

Гермей спустился по широким ступеням, осторожно переставляя затянутую в лубок ногу. Бассарей, семейный врач, держался на шаг сзади, готовый поддержать юношу, если тот оступится. Он был против того, чтобы его подопечный нагружал стопу, но тот твердо заявил – встану, и точка!

Послышался голос отца. Деимах вышел из портика, придерживая кушана за локоть, при этом что-то ему рассказы-

⁵⁸ Ойкет – слуга, домашний раб в Древней Греции.

вая. Он был явно в хорошем настроении. За мужчинами следовали Кандис – жена стратега – и служанка. – Вот и наш Гефест! – весело воскликнул хозяин дома, намекая на греческий миф о том, как бог огня и кузнечного ремесла был сброшен собственной матерью, Гэрой, с Олимпа, в результате чего стал хромым.

Юноши обнялись. Из-за деревьев, держась за руки, выбежали две девушки, но тут же перешли на шаг, чтобы с достоинством, как того требуют приличия, приблизиться к гостю.

– Познакомься, это Мирра и Аглая, – представил сестер Гермей.

Куджула переводил взгляд с одного лица на другое, пораженный их красотой и свежестью. Пауза затянулась. Сестры прыснули, а Деимах и Кандис многозначительно переглянулись.

В Аглае кушан сразу узнал незнакомку с трибуны на скачках – те же русые волосы, обворожительная улыбка, искрящиеся весельем глаза...

В отличие от греческих матрон, она не стеснялась открывать лоб. Расчесала волосы на прямой пробор и уложила так, что часть кольцами спадала на плечи вдоль тонкой изящной шеи, а остальные были собраны в узел на затылке и скреплялись лентой.

Улыбаясь, македонянка приподнимала уголки едва разомкнутого рта с крупными белоснежными зубами, отчего он становился похож на изогнутый кушанский лук. Ах, эти мор-

щинки у губ – они могли свести с ума любого!

Вскоре компания приступила к трапезе.

Угощение оказалось скромным по количеству блюд, но обильным: на больших круглых дисках лежали свежеспе-ченый пшеничный хлеб, жареная рыба, овечий сыр, орехи, зелень. Из приправ – оливковое масло, соус из корней феру-лы, гарум⁵⁹, смешанная с тмином соль. Масло и соус каждый наливал в свой фиал, а триблион с гарумом был общим, все макали в него куски хлеба по очереди.

Разговор начали с обсуждения скачек и бузкаши. Деимах от лица семьи еще раз поблагодарил смущенного всеобщим вниманием Куджулу, после чего вручил ему золотой ритон.

Кушан с интересом вертел подарок в руке: подставка куб-ка представляла собой искусно отлитое туловище тура с вы-тянутыми передними ногами и большими закрученными в спираль рогами, а верхнюю часть украшали рельефные фи-гуры менад в окружении гроздей винограда.

– Это семейная реликвия, – сказала Кандис. – По легенде, ритон был среди девяти тысяч талантов золота, захваченных Лисимахом, телохранителем Александра Великого, в Перга-ме после смерти царя. Наш далекий предок был в числе ге-тайров⁶⁰. Но жизнь сына дороже любых сокровищ.

Она с любовью посмотрела на Гермeya.

⁵⁹ Гарум – острая приправа на основе рыбных потрохов.

⁶⁰ Гетайры – дружина Александра Македонского, состоявшая из его друзей.

Ойкет склонился над керамическим оксибафоном⁶¹, держа киаф, которым он разливал вино по кубкам, за длинную петлеобразную ручку. Улучив момент, когда Кандис отправилась на кухню, Куджула полупшепотом спросил Гермeya, стараясь, чтобы его не услышали другие:

– Разве женщинам можно пить вино?

– Да ты что! – со смехом ответил тот. – Запрещали в Элладe, да и то лишь в некоторых городах: Массалии, Милете... Закон отменили двести лет назад. У нас пьют все, даже рабы. Хотя, – он хитро посмотрел на сестер, – может, это и плохо. Девушки шутливо замахали на него руками.

– Можно, можно, мы чуть-чуть... Оно все равно разбавлено водой.

Когда закончилось оливковое масло, хозяин потребовал принести еще.

Потом посетовал:

– В Бактриане не растут оливы, не прижились. Приходится масло заказывать в Селевкии-на-Тигре. Мало того, что долго ждать, так еще добирается один караван из трех – саки в Александрии в Арии греческие товары по дешевке скупают, а купцов отправляют обратно без барыша. Кто недоволен – сажают на кол или срезают кожу с головы вместе с волосами. Сюда доходят только те, кто делает крюк через Гeдpоcию. Варвары!

⁶¹ Оксифафон – кратер, большой древнегреческий сосуд из металла или глины для смешивания вина с водой.

Наступила тягостная пауза.

Куджула уткнулся носом в тарелку, сделав вид, что занят едой. Хозяин спохватился: невежливо как-то получается, гость ведь тоже из этих – из захватчиков, а значит, варвар. Но оправдываться было поздно. Деимах разозлился, дав волю давно копившемуся раздражению, к тому же подогретому выпитым вином.

– Кто их сюда звал? Эллыны правили Бактрианой и Согдианой триста лет. Что до нас персы дали Бактриане? Бесчисленные кумирни Митры и Анахиты – больше ничего! Ну да, Александр Великий предал многие города огню и мечу, они долго лежали в руинах, и лишь при Селевкидах Бактриана восстала из пепла. А на что они рассчитывали? Александр из-за партизанских набегов Спитамена за три года потерял больше воинов, чем во время битвы на реке Политимет.

Стратег подал знак слуге, чтобы тот наполнил кубок.

Выпив, продолжил:

– Мы принесли бактрийцам культуру и процветание: построили новые города и каналы, научили ремеслам. Мы открыли им идеи Платона и Аристотеля, привили вкус к театральным представлениям, распахнули двери гимнасиев. Благодаря аттическому стандарту бактрийские монеты в ходу от Эгейского моря до Индии. При этом мы всегда относились к ним лучше, чем, например, спартанцы к дорийцам и ахейцам... А могли бы превратить в бесправных илотов⁶²! А Эс-

⁶² Илоты – военнопленные в Древней Спарте, из которых спартанцы делали

хил, Софокл, Эврипид... Только вслушайтесь в музыку этих строк.

Деимах приподнялся на локте и, театрально выбросив перед собой руку, певуче заговорил:

– Вы, колыбель Семелы,
Фивы, плющом венчайтесь!
Нежной листвой оденьтесь,
Пурпуром ягод тиса!
Вакха исполнись, город,
С зеленью дуба и ели!⁶³

– Хор лидийских вакханок лишь приукрашивает кровавый сюжет трагедии. Безумства околдованных чарами Диониса менад во главе с Агавой заканчиваются убийством ее сына, Пенфея, – заметил Куджула, затем процитировал:

– И дикий гул стоял
Над местом мук. Стонал Пенфей несчастный,
Пока дышал, и ликований женских
Носились клики. Руку тащит та,
А та – ступню с сандалией, и с ребер
Сдирают мясо, кости обнажая,
И обгаренными руками тело

государственных рабов.

⁶³ «Вакханки», трагедия древнегреческого драматурга Эврипида, перевод с древнегреческого И. Анненского и С. Шервинского.

Царя разносят в бешеной игре⁶⁴...

Все с удивлением посмотрели на кушана. Никто не ожидал, что варвар вдруг окажется знатоком греческой драматургии.

– Ты неплохо говоришь по-гречески, – заметила Аглая, в глазах которой впервые за время трапезы загорелся огонек неподдельного интереса к гостю. – Но чтобы читать наизусть Эврипида!.. Где ты получил образование?

– Меня учил раб, фессалиец Ипполит. Отец постоянно в разъездах, потому что ставки кушан разбросаны по всей Бактриане, мы с братом редко его видим. Сколько себя помню, Ипполит всегда был рядом. Он заставлял меня учить трагедии, говорил, что я должен понимать не только речь, но и душу эллинов...

– Кстати, – поддержал разговор Гермей. – Я слышал, что сурена Михран послал Памаксафра, убийцу Марка Лициния Красса, во дворец Орода с вестью о победе. Когда гонец вошел в царские покои, там как раз играли «Вакханок». Он вручил отрубленную голову Красса царедворцам, а те передали ее актерам. Во время эксода⁶⁵ Памаксафр выскочил на сцену, выхватил ее из рук актера, исполнявшего роль Агавы, и поднял вверх. Вместо бутафорской головы Пенфея – голо-

⁶⁴ «Вакханки» Эврипида.

⁶⁵ Эксод – заключительная часть трагедии или комедии в древнегреческом театре.

ва самого Красса! Ород был в восторге.

Все засмеялись.

Жуткая история ни у кого не вызвала сострадания к несчастному наместнику Сирии. Эллины Бактры видали и не такое. Чего стоит одна крепостная стена, на которой Гондофар развешивает трупы замученных преступников. А в дни казней военнопленных на агоре не протолкнуться. И бактрийцы, и греки, и ассакены – все с одинаковым интересом наблюдают, как едва живых от истощения и ран индов или усуней вешают, четвертуют, сажают на кол...

Осушив очередной кубок, Деимах помрачнел. Он был уже заметно пьян, кроме того, видимо, устал изображать из себя процветающего и успешного военачальника. Стратег посмотрел на гостя долгим внимательным взглядом, словно собираясь с мыслями.

Гермей наклонился к Куджуле, с улыбкой прошептав на ухо:

– Сейчас начнется. В твоём лице отец обрел неискушенного слушателя.

Стратег снова приподнялся на локте. Раб воспользовался этим, чтобы взбить подушки и подсунуть их поудобнее хозяину под бок.

Деимах заговорил назидательным тоном, обращаясь к кушану:

– Македоняне Бактрианы уже не те, что раньше. После восстания Диодота никто не смел нам указывать – ни Се-

левк Каллиник, ни Арсак. А Эвтидем! Хотя и был родом из анатолийских карийцев, не упал на колени перед Антиохом Великим, не сдал ему Бактру, даже после поражения на реке Арий. Два года он защищал город, пока Антиох не бросил осаду и не ушел в Индию... Вот на этих самых стенах! – Деимах описал рукой круг. – Вот это я понимаю – мужество и упорство! Потом Деметрий... не посрамил седин отца, даже римляне называли его «regis Indorum» – «царем индов». При нем империя эллинов простиралась от Яксарта⁶⁶ до пустыни Тар...

Он стукнул кулаком по ковру – да с такой силой, что если бы это был стол, вся посуда наверняка полетела бы на пол.

– Потом наступил конец, потому что Эвкратид сцепился с Деметрием за власть. И чем это закончилось? Развалом страны! Парфяне забрали у нас Аспион и Туриву. Деметрий сгинул в Индии, а Платон, сын Эвкратида, переехал собственного отца колесницей. Все! Нет больше империи эллинов. Что было дальше, известно всем... Потомки Эвтидема и Эвкратида резали друг друга, забыв про общих предков. Один за другим полисы падали под ударами саков. Гелиокл еще держался, пока не пришли вы – кушаны... Лишь Менандр закрепился в Арахосии, отгородившись от оккупантов Брагуйскими горами. Но последнего из его потомков, Стратона, разбил сатрап Матхуры, Раджувула... Бактру захватили асакены. И вот мы – эллины! – разделили судьбу бактрийцев.

⁶⁶ Яксарт – древнегреческое название Сырдарьи.

Нас загнали в шахристан и вспоминают только тогда, когда нужно содрать подати или пополнить войско Гондофара новобранцами. Зевс и Аполлон отвернулись от эллинов. Даже не знаю, какие жертвы нужно принести богам, чтобы вернуть нашему народу свободу и былую славу...

Стратег уронил голову на грудь и замолчал. Внезапно он схватился за темень, скривившись от боли – давала о себе знать полученная зимой рана.

Сестры заметно заскучали. Гермей давно потирал ногу, ожидая окончания пламенной речи отца, чтобы вернуться в комнату. Кандис еще раньше отправилась на кухню. Поблагодарив хозяев за обед, Куджула принялся зашнуровывать сандалии. Пьяному Деимаху слуги помогли подняться, после чего повели его в спальню. Гермей тепло попрощался с гостем и тоже захромал к себе.

Мирра с Аглаей вызвались проводить Куджулу – а то получается, как будто от него поспешили отделаться, словно небрежно свернули прочитанный пергамент.

Молодые люди остановились за стеной усадьбы.

– Не держи зла на отца, он не хотел тебя обидеть, просто напился, – сказала Аглая, теребя рукой край пеплоса. – Должность убивает его: эллины требуют гражданских свобод, а ассакены – повиновения и уважения. Бактрийцы тоже входят в Царский совет, но тянут одеяло на себя, хотят получить больше привилегий. Отец мечется между двух огней, делает все, чтобы погасить недовольство среди эллинов. Ес-

ли начнется резня между бактрийцами и эллинами, виноватым окажется он, потому что не предотвратил. Вот и пьет. Да еще это ранение... когда начинает болеть голова, у него бывают приступы ярости. Мы привыкли...

– Я не обижаюсь. Он прав, мы – варвары. Его предки строили полисы на берегах Эгейского моря, когда мои колесили в кибитках по степям вокруг Рипейских гор⁶⁷...

– Ну ладно, вы поговорите, а я пошла, – торопливо встала Мирра.

Бросив на младшую сестру заговорщический взгляд, она убежала в дом.

Наступила неловкая пауза.

– Мне тоже пора, – сказала внезапно покрасневшая Аглая, затем быстрым шагом направилась к воротам.

Вдруг обернулась.

– Завтра начинаются Большие Дионисии. Приходи на агору!

Улыбнувшись, помахала рукой. Куджула помахал в ответ. Ассакен, сидевший на корточках у забора, поднялся, разминая затекшие ноги.

⁶⁷ Рипейские горы – древние Гиперборейские горы, которые с натяжкой можно считать Уральскими.

Гондофар разрешил Куджуле свободно передвигаться по городу с одним условием: только в сопровождении конвоира. Он не решался открыто убить заложника, понимая, что Герай ему этого не простит.

Разделаться с юнцом он всегда успеет. Зачем дразнить кушанского медведя до того, как он потеряет клыки и когти по естественным причинам – сдохнет от болезни. Сначала надо избавиться от прямого наследника. Он намеренно отправил кушанское посольство без почетного эскорта, потому что так сподручней разделаться с ним по дороге. Вслед гостям уже скачет сотня всадников. Время идет, и с каждым днем преследователи все ближе подбираются к жертве. Герай будет долго ждать вестей от сына, Андхра далеко... А в Андхре он погиб или в Арахосии – кто ж докопается?

На рассвете Куджула вышел из крепости.

Его уже поджидал Иешуа вместе с друзьями – Шаддаем и Ионей. Со стороны предместий к шахристану стекались эллины, которые по воле случая или в связи с рабочей необходимостью ночевали за его стенами. Все торопились, чтобы успеть к началу праздника. Друзья влились в общий поток и вскоре вошли в Старый город через ворота Гермеса.

В глубоком тимпане над притолокой, прислонившись бедром к стволу глиняного дерева, стоял сам олимпиец – обна-

женный, в спадающем на спину плаще, который он обмотал вокруг левой руки, и петасе, широкополой шляпе, внимательно вглядываясь в проходящих под ним людей. Этой же рукой он сжимал керикион, обвитый змеями крылатый жезл, а правую руку с открытой ладонью вытянул вперед, словно приглашая прохожих остановиться, чтобы вступить с ним в беседу.

Город поразил Куджулу праздничным убранством. Из окон свешивались стебли плюща и виноградные лозы, двери были украшены сосновыми ветками, а у входа во многие дома стояли полные сушеных смокв корзины. Со стен смотрели терракотовые маски Диониса, менад и сатиров – бородастые, лохматые, с выпученными глазами, широко открытыми ртами и гримасой безумия на лице.

Возбужденные горожане направлялись к центру города – агоре – мимо увенчанных масками и увитых плющом деревянных столбов на перекрестках, весело переговариваясь в предвкушении праздничного шествия, за которым последует насыщенная удовольствиями дивная ночь.

Многие несли с собой маски, корзины с едой, кувшины и мехи с вином. Участников шествия можно было легко отличить по раскрашенным лицам, венкам на головах, музыкальным инструментам, а также тирсам – палкам с сосновой шишкой на конце – в руках. Каждому из них пришлось побороться на собрании филы, чтобы доказать, что он или она будут лучшим представителем общины на празднике.

Увидев, что у одного из актеров к бедрам прикреплен огромный бутафорский фаллос, Шаддай дернул Иону за рукав халлука:

– Глянь, соломенный «соловей»! Срам-то какой...

Оба парня зашлись в приступе с трудом сдерживаемого смеха, глядя друг на друга. Они сгибались пополам и хлопали себя по ляжкам, а когда, наконец, выпрямились, то стали тыкать Иешуа в бок, чтобы тот тоже оценил запретный атрибут. Иешуа удивленно посмотрел, но, покраснев, сразу отвернулся.

– Дураки, – недовольно буркнул он. – Нашли над чем смеяться.

Пророки подвергали острому осуждению фаллические символы языческих религий, к тому же иудеи с детства воспитывались в строгости и стыдливости в интимных отношениях.

Лишь Куджула спокойно отнесся к древнему символу плодородия: в стойбищах не стыдились проявлений человеческой природы. Кушаны вступали в брак в раннем возрасте, при этом знатному юноше не запрещалось иметь любовниц – почему нет, если можно заткнуть рот отцу или брату девушки богатыми дарами. Да и рабыни всегда под рукой – выбирай любую.

Куджула уже познал женщину. Несколько лет назад отец приказал ему помочь рабыне в конюшне. Он выгребал старую подстилку из денников, а хорасмийка, подоткнув подол

рабочей эскомиды, разбрасывала охапки свежего сена. Оба разгорячились, вспотели, раскраснелись.

Он не мог оторвать глаз от ее смуглых лодыжек, грациозной шеи под собранными в пук волосами, обтянутой тканью груди... Хорасмийка, словно чувствуя на себе его взгляд, оборачивалась, смотрела странно, с интересом и поволокой в глазах.

Когда, закончив работу, она устало опустилась на сено и как бы случайно оголила бедра, Куджула не смог совладать с собой... Их жаркие встречи стали регулярными – в сеннике, среди скирд свежескошенных луговых трав, в зарослях тамариска на берегу Сурхандарьи...

Потом уже он догадался: отец специально все подстроил, чтобы младший сын, наконец, стал мужчиной, так что хорасмийка просто выполняла волю Герая.

Вот и agora.

Со всех сторон ее окружали толпы празднично одетых горожан. Рядом с площадью возвышался пританей⁶⁸. На высоком стилобате⁶⁹ среди колонн расположилась эллинская аристократия в белоснежных или пурпурных гиматиях: филархи, архонты, главы купеческих факторий, гимнасиархи⁷⁰...

⁶⁸ Пританей – здание, в котором проводились совещания пританов, членов Городского совета античного полиса.

⁶⁹ Стилобат – верхняя ступенька стереобата, цоколя античного храма.

⁷⁰ Филарх – глава древнегреческой филы, общины, который в военное время выступал в роли военачальника; архонт – высшее должностное лицо в Городском совете античного полиса-государства; гимнасиарх – глава гимнасия.

Солнце едва поднялось над горизонтом, и воздух еще не успел прогреться, поэтому жены и дочери почетных гостей спасались от утренней свежести, кутаясь в пестрые пеплосы. На шеях и запястьях аристократок поблескивали оправленные самоцветами украшения.

Куджула разглядел в толпе Деимаха с семьей. Аглая тоже его заметила и приветливо помахала рукой, а стратег жестом пригласил наверх. Кушан разрывался – ему хотелось подойти к ним, но бросать спутников было как-то не по-товарищески.

Иешуа подтолкнул друга в сторону пританея – иди уже, нам и тут хорошо, вечером встретимся.

Растолкав зрителей, Куджула вышел к лестнице. Охрана из городского ополчения сначала преградила ему путь, но затем по приказу стратега пропустила на ступени. Конвоир остался внизу, прекрасно понимая, что пленник никуда не денется.

Аглая подхватила кушана под руку и тут же, проигнорировав округлившиеся глаза матери, притянула поближе к себе и сестре.

Куджула украдкой любовался македонянкой: нежно-голубой хитон с едва заметными серыми полосками спускается до пят, открывая носки темно-синих крепид⁷¹ из мягкой кожи, а плечи прикрыты алым пеплосом с золотой фибулой. Гладко зачесанные назад волосы схвачены лентой из парчи

⁷¹ Крепиды – сандалии.

в греческий узел, лишь с висков – как и тогда, на скачках – спускаются кокетливые завитые локоны. Тонкие запястья увиты золотыми браслетами. По случаю праздника она украсила прическу миртовым венком.

Почувствовав, что юноша на нее смотрит, Аглая внезапно обернулась, обожгла искрящимся радостью взглядом. Парфянский лук губ изогнулся кокетливой улыбкой.

Издаലെка слышались звуки музыки.

Сначала лишь глухо гудели тамбурины и тимпаны, но чем ближе процессия подходила к агоре, тем яснее различались нежные стоны авлосов и сиринг, мелодичный звон кифар и самбук.

Толпа зашумела, заволновалась, подалась ближе к центру площади. Токсоты⁷² заматались по брусчатке, оттесняя зрителей с пути процессии.

Вскоре шествие выплеснулось на площадь. Впереди, исполненные важности, вышагивали городские чиновники: агораномы, метрономы, ситофилаки⁷³...

За ними в окружении музыкантов шли дадуки – жрецы Диониса, держа в руках атрибуты бога вина и безумия: увитые плющом тирсы, педуны – загнутые крючком пастуше-

⁷² Токсоты – букв. «стрелки из лука», полицейская стража в Древней Греции, состоявшая преимущественно из рабов; гиппотоксоты – конная стража.

⁷³ Агораном – рыночный надзиратель, который также контролировал городские сборы и тарифы, например, размер платы проституткам за услуги; метроном – весовщик на рынке; сит о фила к – контролер качества продаваемого на рынке зерна, а также цен на него.

ские жезлы, наполненные вином терракотовые канфары с двумя ручками по бокам.

Они истошным голосом выкрикивали во все стороны: «Призывайте Бога! Призывайте Бога!...»

Следом двигались богатые горожане, оплатившие расходы по содержанию хора, а также сами певцы. Красивейшие девушки Бактры несли корзины с финиками и инжиром, символами плодородия. По агоре, подхваченные сотнями голосов, разносились протяжные и величественные звуки гимна в честь Диониса.

За хором катилась повозка на четырех колесах.

Нос корабля украшала голова осла: рот открыт, глаза выпучены. Вспотевшие рабы с красными от напряжения лицами тянули махину, перекинув через плечо широкий ремень.

Борта были задрапированы черной тканью, а в центре возвышалась мачта с огромной деревянной маской Диониса вместо паруса, вся в стеблях плюща и виноградных листьях. Из-под бороды истукана свисало длинное одеяние, которое от движения колыхалось так натурально, словно это сам бог пританцовывает на повозке. Сквозь пустые глазницы просвечивало синее небо, казалось, он смотрит не на людей, а охватывает пристальным взглядом все сущее.

Внутри корабля бесновались сатиры в черных козлиных шкурах с искусственными фаллосами и нимфы в полупрозрачных шелковых одеяниях. Одни из них играли на свирелях, смеялись, кричали, бесстыдно танцевали, задирая хи-

тоны и оголяя грудь. Другие наполняли вином ритоны, чтобы передать их окружившим повозку спутницам бога – менадам, ленам и фиадам. Те пили сами и поили людей на площади.

Менады дергали за веревочку сшитый из кожи фаллос на поясе: когда он поднимался, они кричали: «Бог родился!», а когда опускался: «Бог умер!»

Фиады воздевали к небу руки с зажатыми в них живыми змеями, а затем водружали рептилий себе на голову, позволяя обвиваться вокруг рогов, или вешали на шею.

Лены исступленно выкрикивали, размахивая тирсами: «Приди, о Дионис, сын Семелы! Даруй нам богатства!»

Другие девушки с воплями бросались на зрителей, хватали за одежду, да так резко, что те отшатывались, а толпа взрывалась хохотом.

Некоторые из спутниц Диониса вели себя словно безумные: тряслись, бессвязно мычали, топали ногами. Были и такие, что просто шли, безвольно опустив руки, свесив голову набок и глядя перед собой широко раскрытыми невидящими глазами.

Несмотря на ранний час, многие женщины были уже пьяны или одурманены. Когда одна из них падала, ее тотчас уносили, а на ее место вставала другая актриса из труппы, которая следовала за повозкой. Их поведение казалось настолько естественным, что иудеи перестали понимать, кто из свиты бога искусно играет роль, а кто действительно впал в рели-

гиозный экстаз.

За кораблем шли горожане в венках из плюща, мирта и фиалок. Внезапно шум прекратился, музыка стихла, даже ликующая толпа замолчала, словно выполняя команду невидимого распорядителя. Повозка резко остановилась, и все замерли на месте. На площадь опустилась неожиданная, томительная тишина, но через мгновение тысячи глоток завопили в едином порыве – вакханалия продолжилась.

– Что означает корабль? – спросил Куджула, не очень понимая, что происходит на площади.

Аглая с готовностью пояснила:

– Однажды, когда Дионис пировал на берегу реки Стримон во Фракии вместе со своими жрицами, на него напал царь эдонов Ликург. Женщины разбежались, побросав священные сосуды, а сам бог нашел спасение на морском дне у нимфы Фетиды...

– Что же это за бог, если он испугался смертного? – недоуменно бросил кушан.

Хихикнув, македонянка пожала плечами.

– Послушай, это легенда... наверное, он просто сильно захмелел. Но за него вступился отец, Зевс. Он наказал Ликурга: лишил зрения и укоротил ему жизнь. А ваши боги – что же, совсем не пьют вина?

– Почему, пьют... У нас тоже есть обряды, похожие на ваши, только жрецы наливают богам не вино, а хауму – это такой ритуальный напиток из дурманящих веществ, молока,

жира и ячменной муки.

– Так вот, – продолжила македонянка, – корабль – это символ морских путешествий Диониса. Некоторые народы даже считают его властелином моря и побережий. По одной из легенд, его похитили тирренские пираты, но он превратился в льва и растерзал капитана. Затем превратил мачту и весла корабля в змей, а остальных разбойников в дельфинов. Кроме того, считается, что он прибыл в Грецию из Фракии на корабле... Появление бога на корабле весной означает, что он вернулся.

– Откуда?

– Со дна Лернейского моря, из царства мертвых. Он вообще постоянно то исчезает, то появляется. Когда он возвращается, зацветает виноград.

– Ты хорошо знаешь биографию Диониса. Он ваш семейный бог?

Аглая покосилась на мать, потом сказала, понизив голос:

– Вообще-то, мы – македоняне, и наш семейный бог – Аполлон. Дионис считается покровителем греческой черни. Но папа обязан присутствовать на всех городских праздниках как главный военачальник.

Тем временем процессия пересекла агору, после чего направилась по центральной улице к окраине. Большинство зрителей двинулись следом.

– Куда они идут? – спросил Куджула.

– К Балху. На берегу установят мачту с маской, чтобы

справлять ночную Дионисию.

– А что это такое?

Македонянка покраснела, потом нехотя ответила:

– Да разное рассказывают... Я ни разу не была. И не пойду, там всякие безобразия творятся! В общем, девушке из приличной семьи там делать нечего. Да и, когда стемнеет, по улицам без провожатого страшно ходить. А нам с сестрой еще возвращаться в усадьбу. Папины ополченцы будут всю ночь охранять порядок в городе, потому что в праздники токсоты не справляются. Он сказал, что отдаст нам личную охрану.

– Зачем, давай я вас с Миррой провожу. Я не один – с конвоиром, а он вооружен.

Куджула указал на ассакена, который терпеливо ждал подопечного под лестницей. Македонянка радостно кивнула.

– А сейчас вы куда? – спросил кушан.

– Никуда. Папа устраивает симпосий⁷⁴ для городских магистратов, он прямо здесь состоится, в пиршественном зале пританея. Мы должны быть с ним.

– Ну, тогда я пошел, меня друзья ждут.

– Возвращайся перед закатом.

Куджула попрощался с Деимахом и Кандис, кивнул Аглае, после чего отправился искать иудеев.

⁷⁴ Симпосий – мужское застолье в Древней Греции, куда часто приглашались акробатки, флейтистки и кифаристки, не отличающиеся скромным нравом.

Друзья не стали сопровождать ритуальную повозку к Балху, слишком уж непотребной показалась им Дионисия из-за повального пьянства, драк и безобразного поведения горожан. Но, как оказалось, и в самом городе эллины продолжали предаваться разнузданному веселью. Собирались в группы, устраивали шумные застолья не только в тавернах, а везде, где придется – на ступенях храмов и героонов, возле нимфеев, в гимнасиях...

На одной из площадей юноши устроили соревнование поцелуев. Они жались друг к другу, похотливо засовывая в рот партнеру язык, а зрители гоготали, подбадривая конкурсантов.

Здесь же актеры-любители с густо намелованными лицами в окружении толпы горожан играли трагедию Эсхила «Лай». Громко декламируя текст, они сдабривали его пошлыми шутками, при этом нагло выхватывали у зрителей кубки. Вскоре Лай и Хрисипп слились в страстных объятиях. Царственный Пелоп сначала бестолково топтался вокруг любовников, но затем вытащил из толпы какого-то подростка и под хохот зрителей подмял его под себя.

Иудеи, глядя на извращенцев с омерзением, ускорили шаг, лишь бы побыстрее покинуть место восставшего из пепла Содома.

В другом месте эллины затеяли пьяную забаву: вскакивали на мехи, заполненные вином и обмазанные маслом, а потом прыгали на одной ноге, пытаясь удержаться. Парни принимали забавные позы, чтобы не упасть, неуклюже соскальзывали с меха. При этом больно ударялись о мостовую, но, подбадриваемые нетрезвыми друзьями, вновь и вновь повторяли попытки.

А вот собрались исполнители дифирамбов в компании с авлетами и кифаредами. Голоса были разными – и чистыми, и просто сильными, – но это доморощенных певцов не смущало. Если гимн Дионису звучал красиво – торжественно, величаво, радостно, а голос казался слушателям приятным, то исполнителю тут же вручали кубок с вином, после чего он под общие аплодисменты и крики одобрения должен был выпить его до дна. А если песня получалась так себе, в неудачника бросали орехи и кожуру от апельсинов.

Из дверей инсул то и дело вываливались шумные ватаги. Греки бродили по улицам, задирали прохожих, наливая из мехов всем подряд, заставляли пить. На каменных плитах валялись пьяные в перепачканных вином и рвотой хитонах, в том числе женщины. Никто их не трогал. Вокруг слышался хмельной хохот, бессвязные крики. Мелодичный звон кимвалов и трели флейт казались какими-то чужими, инородными звуками среди разнузданного гама вакханалии.

Несмотря на царящее вокруг безобразие, домой друзьям идти не хотелось – старики, что ли, взаперти сидеть в такой

день, зачем тогда вообще пришли.

Они отправились бродить по городу. Ну, выпили, конечно, но в меру, а как же – праздник все-таки, хоть и в честь языческого истукана. Несколько раз друзья чудом избежали серьезной драки, когда греки хотели их силой напоить.

Выручал конвоир Куджулы – его боялись как представителя злой, враждебной силы, с которой лучше не связываться. Узкие кожаные штаны ассагена, длинные висячие усы, большая серьга в ухе и выбритый череп с косичкой на затылке защищали лучше, чем царская тамга. Да и акинак воина внушал уважение. Оккупанты не разрешали жителям захваченных крепостей носить оружие в мирное время, только нож и топор, да и то, если едешь за дровами. Найдут меч или лук – не сносить нарушителю головы, с этим строго.

Конвоир оказался не дурак выпить: сначала отказывался, потом махнул рукой. К закату он нарезался до поросычьего визга, так что остаток пути Куджула тащил его на себе.

Вечером уставшая компания вернулась к пританею. Друзья опустили на нагретые за день ступени лестницы и принялись обсуждать увиденное, по очереди прикладываясь к меху. Конвоир лежал пластом – то ли спал, то ли просто был в беспамятстве. Иешуа подложил ему под голову халлук, оставшись в куттонете.

Солнце скатывалось к горизонту, выплескивая на город остатки дневного жара. Тени на агоре вытягивались, наполняли на винные пятна, осколки амфор и бесчувственные те-

ла почитателей Диониса.

Безумный бог словно взял город приступом, только утопил его не в крови, а в вине.

Наконец участники симпозия начали расходиться. То же хороши: кто-то еле идет, но самостоятельно, а кого-то поддерживает раб, товарищ или жена. Магистраты остались довольны приемом. Они громко выражали благодарность Деимаху и Кандис, восторгались красотой их дочерей и навязчиво зазывали к себе на праздник в честь домашних духов.

Стратег с трудом держался на ногах. Мирра и Аглая поддерживали его с обеих сторон, пока не подошли дежурившие у входа ополченцы. Передав отца, сестры спустились к ожидавшей их компании.

Шаддай предложил отправиться на реку, чтобы посмотреть, как эллины будут приносить жертвы Дионису. Иона с Куджулой были не против, Иешуа колебался, а Аглая точно не хотела. Но Мирра отвела ее в сторону и начала что-то горячо обсуждать, то и дело бросая загадочные взгляды на Куджулу.

Когда сестры вернулись, Мирра заявила, что они тоже пойдут.

Иудеи подхватили пускающего пузыри ассакена под руки, после чего компания двинулась к Балху. Воин начал приходить в себя: тарасился вокруг бессмысленными глазами, что-то мычал на степном наречии.

Чем быстрее сгущались сумерки, тем заметнее становилось метание бесчисленных факелов у реки. Друзья остановились на холме, с которого берег был виден как на ладони. Затем уселись на траву, оживленно переговариваясь и передавая друг другу мех. Чтобы спастись от прожорливых летучих муравьев и мошек, приходилось непрестанно обмахиваться наломанными по дороге ветками бузины.

Солнце скатилось за горизонт, окрасив небо в нежно-фиолетовые тона. На реку опускался ночной туман, цепляясь за ветви фисташковых и миндальных деревьев, растворяя в дымке невысокие тамариски и накрывая белой шапкой кусты багрянника.

Ничто не предвещало беды.

Вскоре у воды началось нечто невообразимое.

Мачта корабля теперь торчала в земле, а Дионис мрачно озирал окрестности почерневшими глазами. Сотни людей с факелами сгруппировались вокруг деревянного помоста, на котором плясали неровные тени. Мужчины были в набедренных повязках, женщины – в небридах, ритуальных звериных шкурах.

Казалось, все чего-то ждут.

Сначала раздавались отдельные выкрики, но вскоре пьяная толпа начала скандировать нестройным хором: «Эвое! Эвое!...»

Аглая сидела между кушаном и сестрой. Куджула чувствовал теплое бедро, и ему показалось, будто девушку бьет

дрожь.

Он заметил, что она хмурится.

– Холодно?

Аглая отрицательно покачала головой.

– Тебя что-то тревожит?

– Дионис – жестокий бог. Он наслал безумие на дочерей царя Миния, и те растерзали Гиппаса – сына одной из них... В Аргосе он тоже покарал женщин безумием, после чего они пожрали собственных детей... В Аркадии во время Дионисий женщин полосуют бичами – так ему угодно. А на острове Тенедос в его честь топором убивают новорожденного теленка...

Македонянка опустила голову, прижалась к кушану:

– Прокна и Филомела... Агава и Пенфей... Я боюсь увидеть что-то страшное.

– Ничего не бойся, я не дам тебя в обиду, – Куджула выпалил это, не успев подумать.

И удивился сказанному.

Аглая благодарно посмотрела на него, а Мирра завистливо покосилась на сестру. Иона воспользовался темнотой, чтобы обнять ее за талию и притянуть к себе.

– Кто это? – спросил Куджула, не понимая, почему участники ритуала так странно одеты.

– Горожане. Теперь они все жрецы и жрицы Диониса, – прошептала македонянка.

Темнота сгустилась, огни факелов в ночи горели еще ярче.

Над речной долиной стоял тревожный гул толпы, отраженный и усиленный поверхностью воды. Люди раскачивались, пританцовывали, протяжно пели хором дифирамбы Дионису, подчиняясь ритму тамбуринов и мелодии флейт.

Вскоре собравшиеся расступились, пропуская погонщиков, которые с двух сторон тянули на веревках буйвола. Тот упирался, бил копытом и шумно фыркал, раздувая ноздри. Погонщики тоже упирались, медленно, но верно подводя его к помосту. Наконец им удалось втащить жертву на мостки, а потом на бревна платформы. Здесь они на мгновение ослабили хватку, но разъяренный буйвол, почувствовав слабость, вдруг неожиданно рванулся в сторону. Соскочив с помоста, он налетел на группу жрецов. Длинный кривой рог вонзился одному из них в горло. Буйвол мотал головой из стороны в сторону, при этом висящий на роге жрец болтался в воздухе, словно тряпичная кукла. Подбородок несчастного задрался вверх, а конец рога торчал из широко открытого рта с выбитыми зубами.

Толпа взревела.

Волнами прокатился единый крик ужаса и восторга. Адепты жаждали крови, и то, что первой жертвой обряда стал один из них, лишь усилило состояние всеобщего экстаза. Они сомкнулись вокруг буйвола, сжали телами. Животное в бешенстве ревело, но десятки рук схватили его за рога. Одни жрецы не давали ему поворачивать голову, другие обхватили ноги, сковав движения. Буйвол лягался, поводил

мощными плечами. Уже несколько раненых валялись на земле, но толпа продолжала напирать – опьяненная, охваченная священным безумием.

В воздухе замелькали ножи и остро отточенные тирсы. Сотни ударов обрушились на несчастное животное. Потерявшие рассудок эллины иступленно вгрызались в кожу жертвы зубами, царапали ногтями.

Наконец умирающего буйвола перевалили с мостков на платформу, где избиение продолжилось. Вскоре он испустил дух, но на этом тавроболлий⁷⁵ не закончился. Обезумевшие люди продолжали рвать тушу на куски. Многие адепты полезли в яму под помостом, чтобы омыть тело стекающей по бревнам кровью, а значит, получить искупление грехов и вечную жизнь.

Теперь помост походил на огромный муравейник: по нему ползали окровавленные люди, выхватывая друг у друга из рук куски плоти и внутренности животного. Иерофанты⁷⁶ поднимали к черному небу головы, с безумным хохотом засовывали еще дымящееся мясо в рот.

Вывалившись в крови и останках буйвола, жрецы и жрицы вспылали похотью. Они срывали друг с друга одежду, совокуплялись прямо на скользких бревнах помоста. Вскоре

⁷⁵ Тавроболлий – обряд жертвоприношения быка во многих древних религиях.

⁷⁶ Иерофанты – в Древней Греции наставники, жрецы, которые руководили действиями посвящаемых во время мистерий, а также раскрывали им священное знание.

сам помост и земля вокруг него напоминали ковер из слипшихся тел. Люди сплетались в клубки, как змеи в сезон спаривания. Над долиной разносились стоны наслаждения, истеричные выкрики и рыдания счастья...

Казалось, среди адептов нет одиночек, все они теперь составляют одно целое, слились с самим Дионисом: тела стали его плотью, а души – единой душой божества.

Маска зловеще, но удовлетворенно взирала на происходящее с высоты мачты. Туман растворился в воздухе. Полная луна заливала долину мертвенным светом, подсвечивая тусклую бронзу копошащихся окровавленных тел.

Аглая давно не смотрела на оргию. Она сидела, уткнувшись лицом в плечо Куджулы, для пушей верности еще и зажмурила глаза. Остальные наблюдали обряд молча, потрясенные его невероятной жестокостью и разнузданностью.

Мирра глубоко дышала, все теснее прижимаясь к Ионе, а молодой иудей открыл рот от изумления и сидел словно в ступоре, не замечая ни волнения эллинки, ни того, как она сжимает ему руку.

Иешуа встал.

– Пошли отсюда, – резко сказал он, обращаясь ко всем.

Друзья словно очнулись от морока и тоже поднялись. Никому не хотелось оставаться рядом с местом проведения отвратительного ритуала. Мирра пришла в себя: смущенно косилась на Иону, гадая, что он теперь о ней подумает.

Куджула растолкал спящего ассакена. Оглушенная уви-

денным, компания отправилась по тропинке к городу. Сначала шли молча.

Первым молчание нарушил Шаддай:

– Даааа... – протянул он, словно разговаривая сам с собой. – Эллины ничуть не лучше сирийцев. Те даже собственных детей приносят в жертву Баалу.

– А еще считается, что эллины вытащили народы Азии из тьмы невежества к свету знания, – поддержал друга Иона. – Ничего себе просветители – живьем сожрали буйвола!

– Я, когда Эврипида читал, не верил, что все так происходит, как он описывает, – подавленно пробормотал Куджула.

Иудеи и кушан вели себя так, будто с ними сейчас не было представителей той самой нации, о которой они так неуважительно отзываются. Но сестры молчали, виновато переглядываясь. А что скажешь – зрелище действительно оказалось мерзким.

Наконец Мирра не выдержала и заявила с обидой в голосе:

– Как будто вы сами не приносите животных в жертву. А кушаны даже коней режут, чтобы пить их кровь...

Все заговорили разом, словно надеясь, что звуки голосов прогонят ужасные образы. Каждый отстаивал собственную точку зрения. Аглая, бледная и опустошенная, шла рядом с Куджулой, крепко держась за его руку. Ее тошнило.

– Подожди. Мне плохо, – прошептала она, опускаясь на землю.

Увлеченные разговором иудеи и Мирра не сразу заме-

тили, что Куджула с Аглаей отстали. Они успели пройти несколько плетров, когда сзади послышались крики и шум. Тут только хватились, что их нет рядом, и бросились назад. Куджула отбивался от полуголых людей.

До смерти напуганная Аглая сидела под кустом тамариска, закрыв лицо руками. Один из нападавших – грек в измазанной кровью набедренной повязке – валялся в траве лицом вниз. Рядом на спине лежал конвоир с торчащим в боку обломком тирса. Получив смертельное ранение, он все-таки успел вытащить меч и всадить его в фанатика.

Двое остервенело наседали на кушана, размахивая ритуальными жезлами. Вот один бросился вперед! Куджуле удалось перехватить руку, а затем локтем ударить в челюсть. Клацнув зубами, грек осел на землю. Куджула не стал ждать, когда он придет в себя – коленом врезал по голове.

Второй с криком налетел, замахнулся тирсом. Удар пришелся на плечо. Кушана пронзила острая боль, но он со всей яростью ударил нападавшего кулаком в лицо.

Из зарослей выскочили еще несколько иерофантов, бросились на иудеев. Теперь дрались все. Иешуа и один из фанатиков катались по земле, каждый старался оказаться сверху, чтобы пустить в ход кулаки. Шаддай размахивал горящим факелом. А Иона вырвал из руки ассакена акинак и с криком бросился на греков. С оскаленными лицами, потрясая тирсами, жрецы Диониса пятились, пока не скрылись в кустах.

Подбежали сестры. Каждая, рыдая, повисла на шее из-

бранника. Куджула скривился от боли. Осторожно отстранив Аглаю, он ощупал рваную рану на плече. Иешуа оторвал кусок ткани от подола куттонета, чтобы перевязать ему руку. Остальные не пострадали, если не считать мелких ссадин, синяков и ушибов.

Наконец вспомнили про конвоира. Он тяжело дышал и скреб пальцами землю. Иешуа опустился на землю рядом с ним, но ассакен вдруг затих, обмяк, перестал дышать.

Ночевать отправились к Деимаху, потому что еще раз испытывать судьбу в эту страшную ночь никому не хотелось. Вилла стратега как раз была по дороге. Кандис распорядилась, чтобы служанки принесли горячей воды и горшок меда. Рану Куджулы Иешуа зашил полученной от хозяйки иглой с льняной нитью.

Девушки ушли спать в дом, а юношей уложили в сеннике, выдав им шерстяные одеяла. Деимах пообещал утром уладить вынужденное отсутствие кушана во дворце Гондофара. Все равно придется оправдываться перед царем за смерть конвоира.

Глава 3

Бактриана, 113-й год Кушанской эры, месяц Аша-Вахишта

1

Иона, Иешуа и Шаддай сидели у постели умирающего Ицхака. Старик осунулся, под глазами чернели круги, а лицо побледнело, превратившись в восковой слепок. Он часто останавливался, чтобы сделать передышку.

Рофэ рассказывал об умершем несколько лет назад Верховном жреце атурошана⁷⁷ Победного огня.

– Мелекор был моим другом. Мы с ним скоро увидимся... даже не знаю, где это произойдет – в священных горах Хара, где нас встретят добрые духи бехдинов, или в Ган Эден, небесном саду иврим, среди райских деревьев и птиц...

Ицхак пожевал губами, словно собираясь с мыслями, потом продолжил:

– Перед смертью он передал мне реликвию, которую хранил много лет. Он редко рассказывал об ужасах войны, го-

⁷⁷ Атурошан – разновидность зороастрийского храма, в котором, в отличие от багинов, поклонялись не скульптурным изображениям богов, а священному огню.

ворил, что ему больно об этом вспоминать... Мелекор находился в отряде парфянского князя Монеца, когда тот атаковал римский обоз. Основные силы Марка Антония ушли далеко вперед, чтобы осадить Фрааспу – столицу Мидии Атропатены. Он рассказал, что парфяне вырезали всех, включая несколько семей иврим, прибившихся к римлянам по дороге. Несчастные, наверное, хотели бежать в Армению... Мелекор не был воином, он выполнял обязанности полевого священника, поднимал боевой дух парфян перед сражением... Среди убитых были дети, особенно ему запомнилась девочка, прижимающая к груди куклу...

Ицхак замолчал, по его щеке сбежала слеза. Трудно было понять в этот момент, что именно послужило причиной – жалость к убитому ребенку или сочувствие другу.

– Так вот, один иври умирал у него на глазах. По полосатой накидке с кистями он узнал раввина. Мелекор опустился на колени, не зная, как помочь. Тот схватил его за рукав, очень внимательно посмотрел в глаза, а затем сунул что-то в ладонь. Не отрывая взгляда от лица, кивнул и улыбнулся. Через мгновение глаза раввина закрылись. Когда Мелекор разжал пальцы, то увидел небольшой сверток... Внутри оказалась свинцовая книга. С тех пор он держал ее у себя, как память о войне. А перед смертью отдал мне. Книга там...

Рофэ поднял руку, указывая скрюченным узловатым пальцем на холщовый мешок, висящий над кроватью. Иешуа снял торбу, достал обернутый куском мягкой кожи брусок.

Опустившись на пол, развернул обертку. Иона с Шаддаем придвинулись ближе к другу, чтобы рассмотреть вещицу.

Книга была не длиннее ладони и в палец толщиной, но тяжелой. Листы из свинцового сплава покрывал буровато-рыжий налет. На лицевой стороне была выдавлена гексаграмма – два наложенных друг на друга треугольника.

Перевернув ее, Иешуа увидел странный знак в виде палки с загнутым концом.

Разогнул ножом кольца, раскрыл книгу.

– Иврит, еще что-то на греческом... – разочарованно протянул Шаддай.

Ицхак приподнялся, широко раскрыл глаза и прохрипел:

– Это строки из Невиим⁷⁸. Я уверен – в тексте заключен скрытый смысл!

Усилие не прошло для него даром. Старик уронил голову, закрыл глаза и надолго замолчал, тяжело дыша, словно готовился к последней речи. Ученики сидели тихо, не решаясь потревожить покой учителя.

Отдохнув, Ицхак снова заговорил.

– Когда-то давно, во времена праотцев, в кладовых Храма хранились несметные богатства: драгоценности и священная утварь из золота и серебра. Начало сокровищам положил царь Шломо. Он снаряжал корабли в далекие страны – Таршиш, Пунт, Офир... Много бесценных даров привозили посланники соседних государств. Но Всевышний покарал

⁷⁸ Невиим – книги Пророков, одна из частей Библии (Танаха).

избранный народ за поклонение языческим идолам – сначала Мицраим, а затем Ашшур и Вавел⁷⁹ предали Эрец-Исраэль огню и мечу, разоряя города и убивая жителей. Фараон Шешонк похитил золотые щиты и копья, которыми Шломо украсил Храм, а также золотые колчаны Давида... Господь помог тогда спрятать Ковчег Завета в безопасном месте... В скорбные времена междоусобиц, когда Иехоаш, царь Исраэля, захватил Священный город, Храм снова был разграблен. Затем предатель Ахаз передал Тукульти-апал-Эшарру, царю Ашшура, сокровища Храма и возвел в Иерушалаиме кумирни финикийской мерзости – Баала и Атаргатис. Сто пятьдесят лет спустя Иехуду захватил Навухаднецар, царь страны Вавел. Он послал начальника телохранителей Набу-зер-Иддина в Иерушалаим, чтобы тот забрал из Храма все ценное. Так пропала священная золотая и серебряная утварь, огромное медное «море» для омовений, а также золотые столы, светильники и медные колонны вместе с венцами... И сжег Храм!

Ицхак смотрел перед собой полными скорби глазами, словно не веря тому, что только что произнес.

Справившись с чувствами, продолжил:

– Иврим, разбросанные судьбой по разным странам, веками посылали с караванами в Иехуду лучшее из того, что у них есть, чтобы пополнить сокровищницу Храма. Но сирий-

⁷⁹ Мицраим, Ашшур, Вавел – древнееврейские названия Египта, Ассирии и Вавилона.

ский царь Антиох Эпифан не пощадил Священный город. Он снова опустошил Храм, забрав золотую утварь, светильники, жертвенники... даже пурпурные занавеси, вытканые из виссона⁸⁰. Исчезла бесценная Менора, изготовленная Бецалелем для Мишкана⁸¹... Он разграбил Иерушалаим и угнал уцелевших жителей в рабство.

Старик зашелся в кашле. Иешуа поднес к его губам миску с водой. Ицхак говорил из последних сил, торопливо, словно хотел успеть сказать что-то очень важное.

– Затем пришли римляне. Алчный Красс обманул хранителя сокровищницы Элиазара: сначала принял от него подарок в виде золотого жезла весом в триста мин, по обещав, что не тронет священные для иврим реликвии, а потом ограбил Храм... Сабин, казначей императора Августа, посмел вынести из Храма четыреста талантов золота, после чего впустил в него легионеров Вара, которые забрали последнее...

⁸⁰ Виссон – древняя дорогая ткань тончайшей выделки. Пряжу закручивали особым способом, получая крученный виссон, из которого делали одежду для царей, фараонов и знати. Мнения ученых по поводу сырья для производства виссона разделились. Одни считают, что это лен, другие – что это хлопок, а третьи – что его добывали из секрета средиземноморского моллюска.

⁸¹ Мишкан – букв. «обиталище», скиния, переносное святилище Бога, в котором хранился Ковчег Завета во времена Исхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.